

Елизавета Дворецкая
ПЕРСТЕНЬ АЛЬВОВ
Книга 1. Кубок в источнике

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

**Перстень альвов. Книга
1: Кубок в источнике**

«Автор»

2006

Дворецкая Е. А.

Перстень альвов. Книга 1: Кубок в источнике / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2006 — (Корабль во фьорде)

ISBN 978-5-9717-0518-5

Давно никто не отваживался на путешествие в загадочный Медный Лес, хотя, если верить легендам, там лежат несметные богатства. Ведь дороги запутаны троллями, на берегу моря стережет добычу беспощадный конунг-разбойник Бергвид Черная Шкура, и неизвестно, какую злую магию таят в себе глухие чащи. Но именно там, как гласит сага, спит прекрасная валькирия, ждущая своего жениха. Очарованный древней легендой, смелый викинг Хельги ярл отправляется в поход и неожиданно находит в Медном Лесу союзника в лице местного владыки Вигмара Лисицы. А вместе с ним и нового врага – ведь Бергвид, одурманенный ненавистью и черным колдовством, уже собирает силы, чтобы бросить вызов и Вигмару, и всему свету.

ISBN 978-5-9717-0518-5

© Дворецкая Е. А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	60

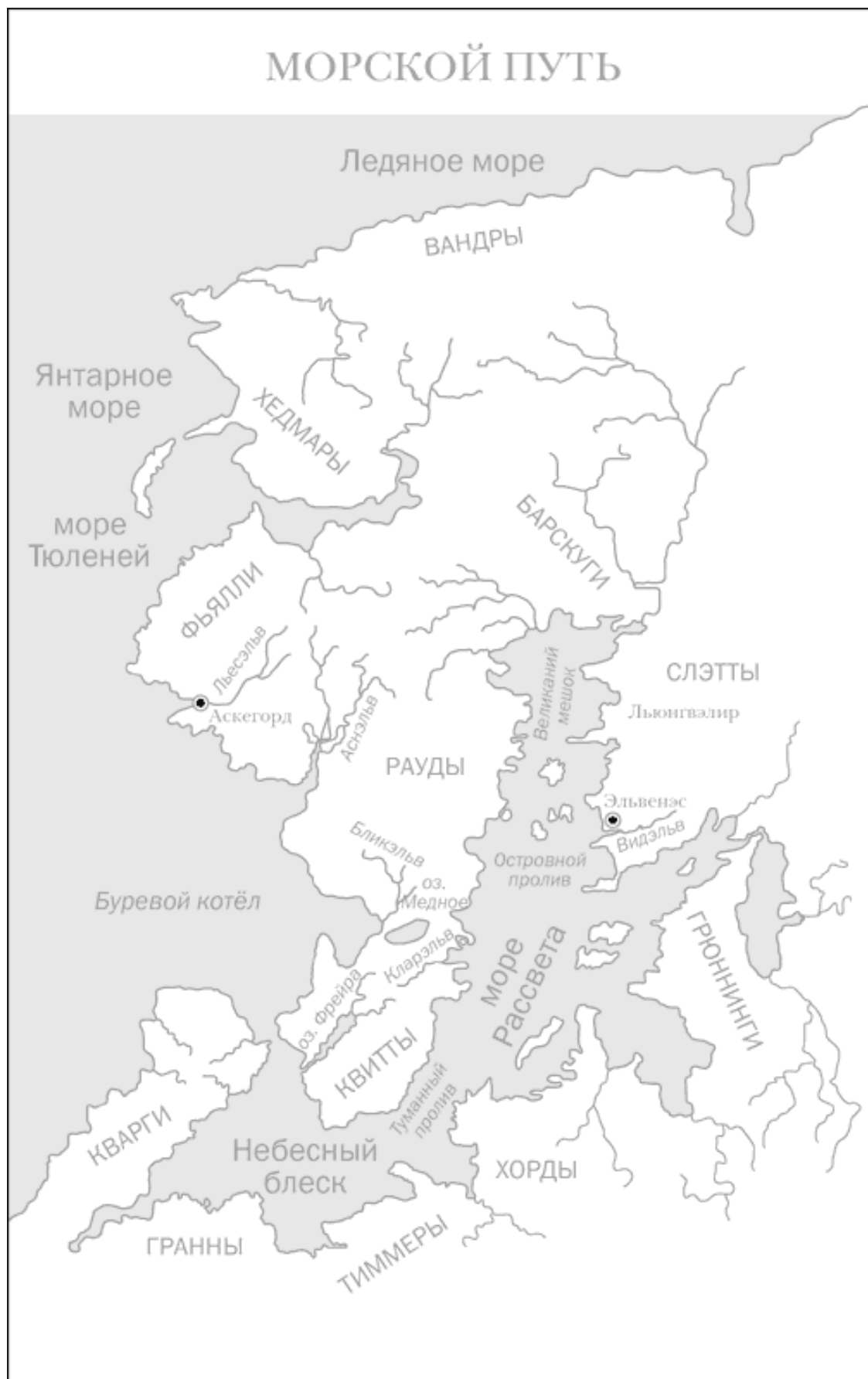
Елизавета Дворецкая

Кубок в источнике

*Ночь была в доме,
норны явились
судьбу предрекать
властителю юному;
судили, что он
будет прославлен,
лучшим из конунгов
прозван будет.*

Старшая Элла. Первая песнь о Хельги Убийце Хунлинга¹

Глава 1

С вершины горы было видно далеко во все стороны – и вперед, где извилистые, гористые берега фьорда прятали выход в море, и назад, где на склонах крутых, но невысоких гор паслись овечьи стада и зеленели молодыми всходами полевые наделы. Эти наделы, трудом многих поколений тщательно очищенные от камней и удобренные, казались яркими, гладкими зелеными заплатами на пестром платье горы. Здешние горы поражали своим нарядным убранством: их украшал и прошлогодний лиловый вереск, и темно-зеленый мох, и свежая зелень молодой березовой листвы, и голубовато-сизый лишайник, и пестрые, сероватые валуны, покрытые сверху, как подушкой, тем же мхом, и на каждый хотелось присесть, как на скамью.

На одном из таких валунов и сидел Хельги сын Хеймира, старший сын и наследник конунга слэттов. Он находился на самой вершине длинной горы, смотревшей на фьорд с сероватой, под цвет пасмурного неба, водой. Здесь все было совсем не так, как дома, в равнинном Слэттенланде, и за прошедшие десять-двенадцать дней Хельги не надоело рассматривать эти горы. Дома пологие холмы, высокие густые леса, спокойные широкие реки – а здесь разноцветные скалы и этот смешной лес, где любое дерево ростом чуть-чуть лишь выше его самого. Бурные шумные ручьи бегут, торопятся по пестрым камням, и в тихих местах вода так чиста и прозрачна, что каждый камень на дне кажется драгоценным. И небо с вершины горы становится таким близким...

Если бы еще не эта суета! Хельги ярл и его отец, Хеймир конунг, получили приглашение на свадьбу к Альмару Тростинке, конунгу Барланда. Прибыв одними из первых, они теперь оказались вынуждены ждать всех остальных, в том числе и невесту. В ожидании главного торжества Альмар конунг, чтобы не томить знатных гостей, что ни день – устраивал пиры, охоты, состязания. Но этого всего Хельги ярл навидался и у себя дома, а любителем шума и толкотни он не был и теперь предпочитал проводить время в горах. Здесь он хотя бы видел то, чего у себя дома не видел никогда.

– Хельги ярл! Где ты? – окликнул его звонкий девичий голос. – Сердце мое мне подсказывает, что ты здесь!

– Если Хельги ярла не унесли горные тролли! – насмешливо подхватил другой женский голос, и было слышно, как несколько девушек звонко засмеялись.

Хельги встал с валуна и пошел на голоса, небрежно отряхивая с плаща сухие травинки. Между невысокими, всего в человеческий рост, сосенками и березками вверх по склону горы к нему поднимались несколько ярких живых цветков. Впереди шла йомфру Ильмейда, сестра Альмара конунга. Изящно придерживая подол желтой шелковой рубахи под бордовым платьем, она с привычной ловкостью взбиралась на довольно крутой склон. Поспешно сделав несколько шагов к ней, Хельги протянул руки; задорно глянув на него, Ильмейда подала ему обе руки и, опираясь на него, вскочила на тот же выступ, где он стоял.

С правильными тонкими чертами лица, с густыми светло-русыми волосами, которые гладкими волнами падали на грудь и спину, сестра Альмара конунга была очень красивой девушкой. Ее серо-голубые глаза всегда весело блестели и бросали на Хельги весьма привлекающие взгляды. Конунг слэттов собирался на эту свадьбу не без мысли присмотреть и для сына подходящую невесту: Хельги шел уже двадцать седьмой год, и женитьба его ожидалась всем Слэттенландом с большим нетерпением. Знакомство с йомфру Ильмейдой оправдывало ожидания, но не оправдывал их сам Хельги. Девушка не раз давала понять, что не откажется войти в род слэттенландских конунгов – один из наиболее древних, славных, богатых и уважаемых на Морском Пути. Но Хельги, которого это касалось больше всех, вел себя так, будто ничего подобного не приходит ему в голову.

– Мы же с тобой уговорились смотреть Самоцветный мыс, или ты забыл? – с веселым упреком воскликнула Ильмейда, утвердившись на крутом выступе рядом с Хельги, но для надежности не выпуская его рук.

– Не очень-то хорошая память у Хельги ярла, хоть он еще так молод! – добавила одна из ее девушек, поднимавшихся вслед за хозяйкой, и остальные дружно засмеялись, как будто было сказано что-то чрезвычайно забавное и значительное.

Но Хельги это не смутило: девушки очень охотно смеются, когда их много вместе. И они везде одинаковы: что здесь, что дома, в девичьей у его молодой мачехи, кюны Асты. Внимание йомфру Ильмейды он принимал с вежливой благодарностью, но думал о ней очень мало. Сестра Альмара конунга казалась ему привлекательной девушкой, но совсем обыкновенной, одной из тех, каких и дома в Эльвенэсе полным-полно. Ездить за море ради такой жены не стоит труда.

– Ну почему ты все время молчишь! – с шутливым отчаянием воскликнула Ильмейда. – Почему ты ничего не хочешь нам сказать? Или считаешь нас слишком глупыми? Ты прямо как... Помнишь: «У Хьёрварда и Сигрлинн был сын, высокий и красивый. Он был молчалив. У него не было имени. Однажды он сидел на кургане и увидел, что скачут девять валькирий, и одна из них была самой статной...»² – торжественно принялась рассказывать Ильмейда, потом прервала сама себя, засмеялась и лукаво глянула на Хельги. – Это все про тебя, Хельги ярл! Ты точно такой же!

– Может быть, ветвь ожерелий! – Хельги наконец улыбнулся. – С этим человеком не стыдно равняться. И ведь в саге сказано, что Хельги и Свава вновь родились.

– Да, да! – шутливо подхватила Ильмейда. – Это раньше люди верили, что герои рождаются вновь. А ты в это веришь? Правда?

Хельги пожал плечами:

– Почему бы и нет? Люди не так уж сильно меняются за века. Так почему бы и вновь не родиться таким же людям, как и те, что жили пятьсот лет назад? Может быть, в любом из нас возродится кто-то из тех, кто жил раньше. Понимаешь, если бы человек проживал только одну жизнь и на этом все кончалось бы, выходит, весь его опыт, мысли, чувства были бы больше не нужны и пропали бы. Это было бы слишком глупо, чтобы я в это верил. Боги устроили мир совсем не глупо. А значит, человек должен возродиться заново. Ведь бывает так, что однажды человек обнаруживает, что помнит то, чего с ним никогда не было. С тобой так не бывает?

– Нет. – Ильмейда перестала улыбаться и с недоумением покачала головой. – А с тобой бывает?

Хельги снова пожал плечами и не ответил. Едва ли она поняла, что он имел в виду. Ильмейда смотрела на него с непониманием и даже некоторым сожалением: он говорил совсем не то, что она хотела бы услышать, и она не находила, что ему отвечать. В его спокойном лице была заметна отрешенность, как будто он только телом находится здесь и сейчас, а душой витает где-то в иных временах и пространствах. Ильмейда вздохнула: с ним не так-то легко разговаривать. Зачем искать в себе какую-то другую, чужую жизнь, когда и своя хороша? Сама Ильмейда не хотела бы обнаружить в себе какую-нибудь древнюю валькирию, обреченную вечно носиться по холоду между небом и морем в тяжелой кольчуге и с мечом в руках. Тоже, развлечение для девушки! Приходит же некоторым в голову! Ильмейда от души жалела, что при своей красоте, знатности и богатстве Хельги сын Хеймира полон таких странных мыслей. Зачем ему чужие души, когда он и сам как молодой бог?! Наследник Хеймира конунга был высок, широкоплеч, и в его лице с прямыми, немного грубоватыми чертами отражался ум и внутренняя сила. Держался он учтиво, очень спокойно, был невозмутим, нетороплив и уверен, как будто весь мир принадлежит ему и потому он никуда не может опоздать. Если бы он только спустился с неба на землю, если бы перестал ждать валькирий и раскрыл глаза на земных девушек рядом с собой!

² Старшая Эдда. Песнь о Хельги сыне Хьёрварда.

– Ну, пойдем! – Ильмейда потянула Хельги со скалы. – Я покажу тебе Самоцветный мыс. Такого ты никогда не видел!

Вместе они стали спускаться на другую сторону горы; Ильмейда то и дело протягивала к Хельги руку, взывая о поддержке, хотя он не сомневался, что в его отсутствие она успешно ходит здесь безо всякой помощи. Ее подружки ловко прыгали с камня на камень позади них и казались светлыми альвами этих чудесных мест.

– Ничего нет хуже, чем ждать! – говорила по дороге Ильмейда. – Мы ждем уже два года! Два года Гельд Подкидыш сватает нам эту Хьяльминну, а мы так ее и не видели! А вдруг она вовсе не так хороша, как говорят? Как ты думаешь, Хельги ярл?

– Откуда же мне знать?

– Ты ее не видел?

– Нет. Но если Гельд говорит, что она красива и умна, значит, так оно и есть. Ему можно верить.

– Да, но красота бывает разная! Знаешь, как бывает: один человек из-за женщины с ума сходит, а другой посмотрит и плечами только пожмет: чего он в ней нашел? Знаешь, как бывает: красивое – это то, на что приятно смотреть. Умный человек – это тот, кто тебя понимает. Даже хороший человек – тот, кто хорошо к тебе относится.

Хельги усмехнулся, найдя это рассуждение довольно мудрым, и Ильмейда, подбодренная его одобрением, живо продолжала:

– Вот так и выйдет, что Гельд выберет невесту, которая понравится ему, а не нам! А жить-то с ней придется нам! Я и брату говорила, что мы должны искать ее сами, а он говорил, что надо делать по обычаю – спросить у людей. А я все равно считаю, что каждый должен сам выбирать себе невесту и не поручать другим, даже если эти другие так умны и сведущи, как твой уважаемый родич!

– Ты права, Фрейя обручий! – Хельги снова улыбнулся в ответ на ее многозначительный взгляд. – Я никому не доверил бы выбирать для меня невесту. Твой брат конунг думает иначе, но ему виднее, в чем его счастье.

– Поглядеть бы скорее на это «счастье»! Когда же он наконец ее привезет?

– Зато теперь ваш дом напоминает Валхаллу! Где и когда еще видели столько знатных гостей зараз?

– Уж конечно! – Ильмейда глянула на него с лукавым уважением, намекая, что он и есть их лучший гость. – Открою тебе тайну: мы так беспокоились, кого посадить на самое почетное место! Хеймир конунг больше всех достоин там сидеть, но что делать с Торбрандом конунгом? Он прославлен не меньше, а годами старше! И он такой человек, что его сердить опасно! Он нам, можно сказать, оказал услугу тем, что не приехал! Твой отец когда-то сражался с ним, да?

– Не совсем. – Хельги качнул головой. – Они, правда, встречались, но до сражения дело не дошло.

– На Квиттинге, да?

– Да. На второй год той войны, за год до моего рождения. Мой отец с войском преградил фьяллям путь, и Торбранд конунг был вынужден отступить. Иначе он мог бы захватить весь полуостров.

– И твой дядя Даг лишился бы своих владений. Но ему повезло. Знаешь, мне рассказывали, все удивлялись, что на этом все и кончилось. По всеобщим ожиданиям, Торбранду конунгу полагалось искать мести. Он ведь никогда не отказывается от задуманного, да? А раз уж он задумал завоевать Квиттинг, он должен довести дело до конца!

– А почему ты думаешь, что он отказался?

– Но он уже совсем стар.

– Ему чуть больше шестидесяти. И говорят, что никто еще не был так крепок в этом возрасте, как он.

– У него ведь жена – ведьма, да? Наверное, ее чары помогают ему не стареть.

– Не знаю. Может быть, он выжидает благоприятный случай.

– Ну, пусть выжидает! – Ильмейда усмехнулась, намекая, что в таком возрасте затягивать ожидание неумно. – У его сына-то совсем другое в голове!

За разговором они наконец добрались до места. Первой выскочив на высокий скальный уступ, Ильмейда взмахнула рукой:

– Вон он, посмотри! Вот наш Самоцветный мыс!

Свое название это место получило не зря: отвесную скалу из розоватого песчаника снизу доверху сплошь усеяли кристаллы аметиста. Одни покрупнее, с лесной орех, светло-лиловые, другие помельче, но потемнее, кристаллы сидели сплошным ковром, тесно прижавшись друг к другу, и камня из-под них не было видно. – Здесь есть тропинка, иди за мной! – Ильмейда легко прыгала по камням вниз, спускаясь к подножию скалы. – Правда, здесь порядком поободрали камни, но все-таки есть что потрогать рукой и убедиться, что это не сон! В солнечный день все так и сверкает, смотреть больно! Жаль, что сегодня нет солнца!

В нижней части скалы, сколько можно было достать рукой, оказалась изрядно исцарапана: жадные человеческие руки постарались отбить и унести с собой хоть сколько-нибудь из чудесных лиловых и густо-розовых кристаллов. Самые крупные были сбиты, много мелких – раскрошено. Хельги провел рукой по скале. Как говорится, у всего есть предел, и только жадность человеческая безбрежна, как океан. На самоцветные камни приятно смотреть, но вот радости оторвать кусочек и спрятать за пазуху Хельги никак не мог понять. Или для иных людей красиво только то, что крепко зажато в родном кулаке?

– Когда их так много, они не кажутся дорогими, да? – Ильмейда обернулась к нему. – Вот если в перстне или на кубке – тогда драгоценный камень кажется таким красивым, дорогим, так удивляет. А когда много, то и аметисты кажутся не лучше всякой щебенки. Ты так не думаешь?

Хельги покачал головой.

– Я подумал только, как щедры были боги к вашей земле... – начал он, но в это время одна из девушек закричала с вершины скалы:

– Ой, смотрите, корабль! Их там много!

Все обернулись к берегу. По фьорду шел корабль – большой, под ярким красно-синим парусом, с резной звериной мордой на носу. Было видно, что на корабле полно народу, виднелось несколько женских покрывал. За ним из-за горы выходил еще один.

– Их там много, пять или шесть! – кричали сверху девушки, когда Ильмейда уже, подхватив подол, торопливо карабкалась на вершину.

– Я вижу шесть!

– И все такие большие! Такие богатые!

– Это должна быть невеста!

– Невеста, невеста! – Взобравшись на вершину, Ильмейда тоже увидела шесть больших кораблей и теперь прыгала от радостного нетерпения. – Это должна быть она! Наконец-то! Хельги ярл, иди же сюда, посмотри!

– Этот впереди – корабль Дага Кремневого! – определил Хельги. – Я его знаю. Но все шесть едва ли его – может быть, и невеста тоже с ними.

– Бежим домой! – ликовала Ильмейда. – Бежим! Пока они обойдут мыс, мы уже будем дома и все узнаем! Бежим к усадьбе!

Махнув Хельги рукой, она бегом ринулась вниз по склону горы и через долину. Ее подружки, как стайка разноцветных осенних листьев на ветру, полетели за ней, и даже Хельги ускорил шаг. Даг Кремневый приходился братом его умершей матери, и Хельги хотелось поскорее повидать родичей, даже если они и не привезли с собой невесты для Альмара конунга.

* * *

На берегу возле конунговой усадьбы близость больших празднеств замечалась гораздо больше, чем в уединении гор. Длинная полоса берега была занята множеством кораблей, больших и поменьше, возле ограды усадьбы возвышались четыре новых, нарочно для свадьбы построенных гостевых дома, поблескивали свежей сосновой древесиной и источали запах смолы. В раскрытые ворота усадьбы гнали десяток овец, рабы волокли от берега корзины со свежей рыбой, а навстречу им, к морю, валила целая толпа. Первый из шести кораблей уже подходил и выбирал место, где пристать; встречавшие махали руками и криками давали советы. На берегу бурлил народ: здесь собрались и окрестные жители, и конунговы гости, наряженные в разноцветное платье.

– Пойдем на мыс! – Ильмейда схватила Хельги за руку. – Здесь нас затопчут, а оттуда нам все будет видно!

За Хельги она могла бы не беспокоиться: его голова с гладко зачесанными назад и заплетенными в косу русыми волосами возвышалась над толпой, и ему все было прекрасно видно. Ильмейда тянула его к маленькому каменистому мыску, ступенькой возвышавшемуся над берегом; на это удобное место уже лезли любопытные, но когда Хельги через толпу провел туда Ильмейду, его хирдманы очистили мысок, чтобы можно было смотреть, не боясь, что тебя в давке спихнут в море.

Первым приближался красивый крепкий корабль с кабаньей головой на переднем штевне. Это был «Кабан» Гельда Подкидыша, и Хельги, сойдя с мыска, пошел ближе к воде, чтобы скорее поздороваться. Владелец корабля приходился двоюродным братом его матери и часто бывал в Эльвенэсе, хотя жил в земле барскугов. Да и мало нашлось бы мест в Морском Пути, где бы не знали Гельда Подкидыша. Много лет он вел обширную торговлю, попутно перевозя новости, подарки, выполняя множество разнообразных дел и просьб, почетных поручений от конунгов друг другу. Там, где требовались ум, опыт, миролюбивый дружелюбный нрав, там нельзя было сделать выбора лучше. Когда пару лет назад Альмар конунг задумал жениться и созвал мудрых людей, чтобы они ему посоветовали, где взять подходящую невесту, именно Гельд назвал ему Хьяльминну, дочь Гуннварда конунга. Теперь, когда переговоры наконец увенчались свадьбой, следовало ждать, что слава Гельда Подкидыша еще больше вырастет и не один еще молодой конунг или ярл обратится к нему с тем же делом.

«Кабан» уже выполз на песок, Гельд соскочил на берег и, увидев над толпой голову подходящего Хельги, поспешил ему навстречу. Сам он тоже был не обижен ростом, и его продолговатое лицо со светлыми волосами и бородой, украшенное широкой улыбкой, сияло как солнце.

– Хельги! Молчун ты наш! – радостно восклицал Гельд, обнимая племянника. – Как мне повезло! Только сойти на берег и сразу увидеть тебя! Привет тебе от родины предков – я прямо оттуда!

– С Квиттинга? – уточнил Хельги. Слов для изъяснения своей радости он не тратил, поскольку она разумелась сама собой.

– Прямо оттуда! Прямо с восточного побережья! Я зимовал у тиммеров, мы отплыли месяц назад, по пути захватили в Хорденланде Сирынлейва конунга с дружиной, потом зашли в Тингваль, взяли Дага, и Дагварда, и Хельгу! Привет тебе от Борглинды, и Халькеля, и Хьяльмара! А Хельгу ты сейчас увидишь! Потом были у раудов, взяли с собой йомфру Ингу-Ульвину с Модданом ярлом – кюна Ульврун сама не поехала, послала их! Видишь, шесть кораблей! Где еще видели столько конунгов разом! А тут, наверное, что ни пир, то настоящая Валхалла? Да? По пути люди говорили, что раньше нас проплыл и Рамвальд конунг, и вы с отцом! А от фьяллей никого нет?

– Есть Торвард ярл. Берегом приехали.

– Понятно, берегом им ближе, чем плыть через пять морей! А кто с ним? Не Эрнольв Одноглазый?

– Его сын, Халльмунд.

– Тоже хорошо! – Гельд был рад любому, а в друзьях и знакомых у него числилась половина Морского Пути. – Ну, пойдем, пойдем встречать! А как у вас дома, все хорошо? Как кюна Аста? А дети? Эгвальд уже совсем большой! Вы его не взяли? А Вальборг еще не просватали?

Гельд сыпал вопросами, на которые Хельги отвечал только дружелюбным взглядом и улыбкой, подтверждая, что в роду конунга слэттов все обстоит хорошо. Иные дивились, каким образом Гельд Подкидыш, имея столько родни, ухитряется всех любить. Жизненных сил и хорошего настроения ему было не занимать, и выглядел он лет на сорок, хотя на самом деле ему уже исполнилось пятьдесят. Гельд оставался по-прежнему строен, подвижен, в его светлых волосах и бороде не виднелось ни одного седого волоса.

За разговором поглядывая на спокойное, с грубоватыми прямыми чертами, обветренное лицо Хельги с длинной морщиной сверху вниз на каждой щеке, Гельд в который раз дивился причудам судьбы. Не верилось, что этот мощный, из широких костей и могучих мускулов собранный, медлительный на вид и даже немного ленивый, неразговорчивый парень с низким голосом – родной и единственный сын Хельги, носившей прозвище Ручеек, ее продолжение, ее след на земле. Останься она жива, сейчас она не достала бы собственному сыну затылком даже до плеча. Она была другой – с мягкими, миловидными чертами лица, подвижной, разговорчивой, дружелюбной. Она часто улыбалась, и голос ее звучал нежно, приветливо. В ее сыне не было от нее ничего.

– Ну, идем, вон и Даг причаливает, а там и невеста! – заторопил Гельд Хельги. – Не любопытно на нее поглядеть?

Хельги пожал плечами: не отличаясь любопытством, он предпочел бы сначала повидать своих родичей. «Длинногривый волк» уже приблизился, уже можно было разглядеть высокую, статную фигуру Дага Кремневого, хёвдинга Квиттингского Востока. На носу корабля размахивал руками его младший сын Дагвард, а потом Хельги заметил маленькую, хрупкую девичью фигурку и невольно улыбнулся. Это была его двоюродная сестра Хельга, которую он любил, пожалуй, больше всех в семействе своего дяди. Ему говорили, что она совсем не похожа на его мать, но Хельги почему-то именно в ней видел отражение той, что так рано ушла от него.

Но не только они спешили навстречу квиттам. Уверенно раздвигая народ, к воде пробирались пять или шесть мужчин. Продвижение их сопровождалось шумом, криком, где веселым, а где и негодующим. Впереди всех шел, конечно, Торвард ярл, единственный сын и наследник Торбранда, конунга фьяллей. Рослый, хорошо сложенный, он и хирдманов себе подбирал таких же, и в любой толпе фьялли выделялись своей силой, ростом, красными плащами и широкими серебряными гривнами с подвесками в виде молотов Тора. Торвард ярл, отличавшийся темными волосами, уже был возле самой воды и даже шагнул в воду, словно ему не терпелось поглядеть на прибывших.

– Хельги ярл! – крикнула издалека Ильмейда. – Кто это там на корабле, такая хорошенькая? Это невеста? Это она? Ну, скажи же!

– А невеста вон там! – кричал Гельд в шуме радостно возбужденной толпы, и сотня голов вертелась вслед за взмахами его руки. Вон, «Красный змей»! Это корабль Гуннварда конунга, и на нем невеста!

Среди прибывших кораблей выделялся один: под красным парусом, с красными канатами и снастями, богато украшенный резьбой, с белыми щитами на бортах, на каждом из которых начищенный медный умбон горел, как солнце. «Красный Змей» медленно, величаво подходил к берегу, и толпа во главе с Альмаром конунгом хлынула к нему.

Гельд Подкидыш побежал показывать жениха и невесту друг другу, возле «Длинного волка» осталось меньше народу, в основном Хельги со своими людьми и фьялли во главе с Торвардом ярлом. Корабль вынесли на песок, люди спускались с него на берег. Хельга дочь Дага подошла к борту, подбирая плащ.

– Иди ко мне, Суль ожерелий! – вдруг сказал снизу чей-то незнакомый веселый голос.

Глянув вниз, Хельга увидела сначала протянутые к ней руки, потом лицо – смуглое, с темными глазами, густыми черными бровями и страшным рваным, беловатым шрамом от угла рта через всю правую щеку. Ахнув от неожиданности и испуга, Хельга отшатнулась назад и спиной наткнулась на отца.

– Не бойся, Хельга! – Даг хёвдинг взял ее за плечо. – Это не великан, это Торвард ярл, сын Торбранда конунга. Ты смело можешь ему довериться.

– Мудрый правду без подсказки скажет! – весело одобрил Торвард ярл и вскочил на борт корабля. – Приветствую тебя, Даг сын Хельги! Прости, что не сделал этого раньше, но твоя дочь прекрасна, как богиня Суль, и свет ее лица ослепил меня!

Хельга засмеялась, прижимаясь плечом к отцу и в смущении прикрывая рот кончиками пальцев. Она знала, что насчет ее солнечной красоты все неправда – маленького роста, не в пример отцу и обоим братьям, она была миловидна, но не более. Впрочем, волосы, светло-золотистые, мягкие и ровные, как шелк, действительно украшали ее. Тем не менее она вполне оценила любезность наследника фьялленландского престола.

– Позволь, я помогу тебе спуститься! – повторил Торвард ярл. – Не надо меня бояться, я не великан и даже не берсерк. Просто однажды я был такой голодный, что вместе с мясом съел и нож! – Он ткнул пальцем в свой шрам и засмеялся.

– Благодарю тебя, но не лучше ли тебе пойти поприветствовать невесту! – отозвалась Хельга, смущенная такой честью. – Она вон на том корабле!

Подать руку Торварду ярлу она не решалась: он вовсе не казался ей страшным, но его рост, его красный плащ, весело блестящие глаза и напористое оживленное внимание заставляли ее робеть. Он был дружелюбен и даже привлекателен, несмотря на шрам, но он принадлежал к племени фьяллей, да еще и приходился сыном Торбранду конунгу, которым в племени квиттов уже почти тридцать лет пугали непослушных детей, и Хельга не могла видеть в нем обычного человека.

– Идем! – Торвард снова сделал ей приглашающий знак. – Зачем мне встречать чужую невесту! Мне бы свою как-нибудь раздобыть! Правда, Даг хёвдинг? – Он подмигнул Дагу Кремневому, и тот не мог не улыбнуться в ответ. – Когда мужчине двадцать четыре года, ему уже пора думать о жене, правда, Хельга? И уж когда я найду девушку себе по сердцу, я не стану выжидать целых два года и гонять туда-сюда посольства на пяти кораблях!

От этой речи Хельга порозовела и замахала руками, как будто отгоняя собственное смущение; тогда Торвард ярл перепрыгнул назад на песок, Даг взял дочь на руки и передал ему. К родителям Торварда ярла он не питал никаких теплых чувств, но против него самого, как человек дружелюбный и справедливый, ничего не имел. Парень не виноват, что родился от ведьмы из великаньей пещеры.

Тем временем нарядный корабль Гуннварда конунга пристал, на него перекинули мостки, и вот уже Альмар конунг торжественно вел на берег свою невесту. Йомфру Ильмейда ожидала ее на берегу, готовясь приветствовать будущую родственницу по всем обычаям и держа заготовленное для первого подарка ожерелье из скрепленных цепочкой золотых бляшек, в середину каждой из которых был вставлен или желтоватый топаз, или голубая бирюза. Поцеловавшись с йомфру Хьяльминной, она вручила ей ожерелье и получила взамен два узорных золотых браслета, а сама тем временем жадно осматривала невесту. Молва и Гельд Подкидыш не обманули: дочь Гуннварда конунга могла называться красивой, и даже очень красивой, девушкой. Она была высока, стройна, черты ее продолговатого лица были тонки и изящны, а

большие светло-карие глаза блестели в окружении длинных черных ресниц здоровым и ясным блеском. Русые волосы спускались мягкими волнами ниже колен, а красное платье и множество украшений делали ее похожей на богиню. Было видно, что она привыкла вызывать восхищение: в каждом ее движении, в каждом повороте головы чувствовалось горделивое достоинство и сознание, что своим присутствием она украшает и радует этот мир. Слава первой красавицы Морского Пути довершала дело: восторженные взгляды, которые Хьяльминна привлекала к себе много лет, как будто накапливались на ней, и теперь каждый, кто впервые ее видел, сразу замечал блестящий ореол славы и немедленно присоединял свои чувства к чувствам прочих. Альмар конунг даже рот приоткрыл от изумления, едва веря, что это сокровище достанется ему.

Торжественные приветствия и общий шум продолжались еще долго на берегу, потом переместились в гридницу конунговой усадьбы. Здесь йомфру Ильмейда, как единственная пока хозяйка дома, по очереди подносила приветственные кубки Гуннварду конунгу, Дагу хёвдингу, Гельду Подкидышу, Моддану ярлу и фру Инге-Ульвине из Рауденланда, Сирилейву конунгу из Хорденланда. Общее ликование было велико, уставшие от ожидания гости ободрились: наконец-то начнутся свадебные торжества.

В тот же вечер на пиру начали подносить подарки жениху и невесте. Каждому из знатных гостей давно уже не терпелось выложить привезенное и сравнить, не уступает ли оно подаркам других. Самые знатные – Хеймир конунг, Рамвальд конунг с Квартинга, Торвард ярл – пока придерживали свои сокровища, ожидая непосредственно свадебного пира, но остальные раскрыли сундуки. Моддан ярл и фру Инга-Ульвина привезли подарки от себя и от матери Инги-Ульвины, правительницы Рауденланда кюны Ульврун: три цветных новых паруса, десяток выученных ловчих соколов с позолоченными серебряными цепочками на лапках, десяток хороших коней с дорогими уздечками и седлами. Даг хёвдинг привез пять цветных ковров, на которых были вытканы последовательно все подвиги Сигурда Убийцы Дракона: ковка меча, которым Сигурд рассек наковальню, убийство дракона Фафнира, Сигурд и Брюнхильд на огненной горе, сватовство к Брюнхильд, даже поездка Брюнхильд в Хель. Ковры разложили на скамьях, чтобы каждый мог ими полюбоваться; люди теснились возле них, рассматривали рисунки, искусно вытканые из красных, желтых, белых, голубых, синих, коричневых и черных нитей, вспоминали сказания, охали и восхищались.

– Искусство замечательное! – сказал рядом с Хельги знакомый голос. Обернувшись, он увидел поблизости Торварда ярла. – Но не слишком-то подходящее содержание для свадебного подарка. Тебе так не кажется, Хельги ярл? – спросил он, заметив взгляд Хельги. – Свадьбы Сигурда и Гуннара нельзя назвать слишком удачными.

– Не знаю, почему это тебе пришло в голову, – отозвался Хельги, понизив голос. – Разве у тебя есть причины думать, что прекрасная невеста охотнее вышла бы за другого?

– Нет, – Торвард усмехнулся и мотнул головой. – Но нельзя сказать, чтобы жених подвигами заслужил ее руку. Правда, два года ожидания можно приравнять к восхождению на огненную гору!

– Но ты предпочел бы настоящую огненную гору?

– Конечно! А ты разве нет?

– Возможно! – Хельги усмехнулся. – Где бы только ее найти?

Его отношение к сыну Торбранда конунга было неоднозначным, и за те десять-двенадцать дней, что они провели здесь вместе, Хельги еще с этим не определился. Торвард ярл казался достойным человеком: неглупым, справедливым, открытым и дружелюбным. Но их роды разделяла долгая Квиттингская война, и это мешало Хельги видеть в Торварде друга. Оба они не считали, что давнее соперничество отцов обязывает и их ссориться между собой, но глядели друг на друга не без мысли о том, что это, возможно, будущий враг. Ведь причины, из-за которых ссорились Хеймир конунг и Торбранд конунг, никуда не делись. И полуостров

Квиттинг, власть над которым они делили, по-прежнему лежит разоренный, без собственной власти, но и никому не платя дани, поэтому ни слэтты, ни фьялли не могут назвать себя его хозяевами. Помня об этом, оба неприметно тянулись друг к другу, охотно беседовали, Торвард – с более откровенным и непосредственным, Хельги – с более сдержанным и вдумчивым любопытством. И оба чувствовали явное удовольствие, если их взгляды совпадали.

Когда ковры развесили по стенам взамен старых хозяйских, свои подарки выложил Гельд Подкидыш. Он привез множество нарядных ярких шелков заморской работы, так что все женщины в гриднице стонали от восторженной зависти и даже гордая Хьяльминна благосклонно улыбнулась, поглаживая красный шелк с голубым и золотистым узором. Целый день можно было рассматривать узоры блестящих шелков: ползущие травы, бутоны и цветы, диких птиц и зверей, виноградные грозди и резные листья. Глаз радовали яркие цвета: лиловые, зеленые, голубые, золотистые, багровые, цвета огня и заката.

– А вот это для жениха! – Гельд сделал знак своим людям, и с самого дна сундука вынули три меча.

Ножны их и рукояти из серебра с золотой насечкой были красивыми и дорогими, но не представляли собой ничего особенного. Однако когда Гельд передал один из них в руки Альмару конунгу, тот издал удивленное восклицание, и большинство гостей, оторвавшись от созерцания тканей, повернулись к нему.

– Что ты скажешь, конунг? – весело спросил Гельд. – Думаю, любой знаток скажет, что такая сталь подходит для серьезного человека!

Альмар конунг и мужчины вокруг него недоверчиво разглядывали клинок. Серая сталь была сплошь усеяна более темными пятнышками и разводами, как бы проступавшими из глубины.

– Булатная сталь! – воскликнул Альмар конунг. – Вот это да! Где ты ее раздобыл, Гельд? Разве ты ходил в южные моря?

– Да, конунг, отсюда это будет на юг, а потом немного на запад! – Гельд засмеялся. – Это с Квиттинга. А еще точнее, из Медного леса. Там живет один человек, его зовут Вигмар Лисица. Даг хёвдинг тоже его знает. Он продает такие мечи.

– Дайте мне посмотреть! – Торвард ярл протолкался поближе. – Если это тот Вигмар Лисица, у которого есть золотое копьё, что само возвращается в руки после броска, то я тоже о нем слышал!

Гельд протянул ему другой меч из своего сундука, и Хельги вместе с Торвардом склонился над клинком. Черноватые округлые разводы на серой стали сидели густо, как пятнышки на спинке лягушки. Притом на режущей кромке лезвия, где сталь была еще тоньше, разводы виднелись точно так же, пронизывая весь клинок насквозь.

– Если бы день был солнечный, их бы вынести на воздух, и ты бы увидел золотистый отлив! – восхищенно рассказывал Гельд. – Они рубят кости, гвозди, я сам видел! Без малейшей щербинки! Таким клинком можно сломать обыкновенный стальной!

– Чудеса! – Торвард ярл вытер кончики пальцев о рубаху и осторожно провел по плоской стороне клинка, точно не верил своим глазам. – И это сделали на Квиттинге, ты говоришь?

– Похоже на то! – Гельд посмеивался, довольный, что сумел так удивить наследников двух конунгов.

В гриднице поднялся шум, разгорелись споры.

– Не может быть! – твердил Сиринлейв конунг. – У нас в Морском Пути не умеют делать такой стали!

– Хочешь, я поклянусь тебе, что она сделана на Квиттинге?

– Я уважаю тебя, Гельд, и не сомневаюсь в твоих словах и без всяких клятв, я сомневаюсь в качестве этой стали. Не может быть, чтобы это был булат!

– Но ты же видишь рисунок на стали! – Даг хёвдинг, уже знакомый с этим чудом, показал ему на меч. – Таким рисунком отличается только булат!

– А изготовлением такого булата отличаются только восточные страны, где мы с тобой никогда не были. А у нас если и умели делать что-то подобное, то давно разучились. Для этого же нужно... Э, во-первых, нужна особая железная руда, какая у нас не водится...

– Это у вас в Хорденланде не водится! – вставил Моддан ярл. – У вас одна луговая и болотная руда, а в горах на Квиттинге может быть и другая, гораздо лучше! Та, что зовется «кровь великана».

– Во-вторых, надо знать множество тайн: насколько разогреть, сколько раз перековывать, как остужать!

– Хороший древний способ: меч погружают в тело сильного раба! – сказал Гуннвард конунг. – Тогда сила раба переходит в меч! Там, на Востоке, так и делают, я знаю, слышал от надежных людей!

– А еще можно в воду или в масло! Так ведь надо знать, во что и когда! И сколько держать!

– А еще иные закаляют сталь в ущельях, где дуют холодные ветры!

– Не поверю, чтобы где-то на Квиттинге владели всей этой мудростью!

– Но почему же! – крикнул Торвард ярл. – У моего отца есть меч, по прозвищу Дракон Битвы, – он разрубил хоть камень, хоть наковальню! Он приходится по руке всякому, кто его возьмет, будь то великан или маленькая девочка! Он награждает каждого силой, умением и удачей, он всегда приносит победу своему владельцу! Этим мечом мой отец победил великана Свальнира и... – Торвард бросил быстрый взгляд на Дага хёвдинга, – и одержал еще немало славных побед на суше и на море. Есть здесь кто-нибудь, кто в этом сомневается?

Сомневающихся не нашлось: даже если кто-то и не вполне верил в рассказы о событиях Квиттингской войны, о которых последние три десятилетия рассказывали по всему Морскому Пути, то высокая и мощная фигура Торварда ярла, грозно упершего руки в бока, начисто отбила охоту обнаруживать сомнения.

– Ну, и славно! – Торвард ярл усмехнулся, радуясь ощущению своей силы. – И этот меч сделан на Квиттинге! Эти ваши восточные люди, которые ходят в длинной одежде и с женскими покрывалами на головах, и близко к нему не бывали!

– Его ковали темные альвы! – заметил Хеймир конунг. – Это так, Торвард ярл, я не путаю? И меч Дракон Битвы, и обручье Дракон Судьбы, и кубок Дракон Памяти. Все это сокровища из кузниц темных альвов.

– Квитты говорят, что эту тайну у свартальвов когда-то выведал Хродерик Кузнец! – добавил Гельд, хорошо знавший все саги и сказания о древних временах. – Хродерик конунг жил лет триста назад. Только он один на свете умел ковать такие мечи. Он и сейчас их кует в своей подземной кузнице под горой. За века он наковал великое множество всякого оружия, и оно сложено в тайные кладовые. И Вигмар Лисица раз узнал дорогу туда. Кладовые открываются раз в месяц, в новолуние, и каждое новолуние Вигмар Лисица выносит по мечу. У него их уже так много, что он вооружил булатными мечами Хродерика всю дружину и родичей, чуть ли не простых бондов в своих владениях! Он может даже продавать их за моря и получать за них золото и всякие дорогие вещи.

– Вот это больше похоже на правду! – Сиринлейв конунг усмехнулся. – Конечно, триста лет назад еще куда ни шло... А чтобы в наше время умели делать такое – э, где уж!

– Это темные альвы! – опять начал Моддан ярл. – Люди такого делать не умеют, а темные альвы умеют все!

– Ах, ты опять за свое! – Его жена, Инга-Ульвина, безнадежно махнула рукой. – Я тебе говорила: чего только не умеют делать люди! Мужчины не умеют рожать, а всему остальному можно научиться! Если ты чего-то не знаешь, это не значит, что этого вообще нет на свете!

Все вокруг засмеялись.

– Гельд, а ты уверен насчет Хродерика Кузнеца? – спросил Хельги.

– Как я могу быть уверен в том, чего не видел? – Гельд пожал плечами. Он любил порассказать о чудесах, но никогда не выдавал свои рассказы за правду без достаточных оснований. – Мы с Вигмаром хоть и друзья, пожалуй, но он не настолько мне доверяет, чтобы водить в тайные кладовые под горами. Недалеко от его дома и правда есть Кузнечная гора, ее еще называют Хродерикберг – гора Хродерика. Может быть, там под горой и впрямь обитает какой-нибудь древний умелец или свартальв. Почему бы нет? Медный лес – это такое место, что насчет него ничего нельзя сказать наверняка, и никакие чудеса в нем нельзя отрицать. А сами эти горы называются Железное Кольцо, потому что там много хорошей руды. Правда то, что на этой руде Вигмар Лисица здорово разбогател. И если этот меч и правда из булатной стали – в чем я не сомневаюсь...

– Зачем долго говорить? – перебил его Торвард ярл, у которого пылкость иной раз брала верх над учтивостью, и схватил со скамьи меч. – Можно это проверить!

Он сделал шаг в сторону, как бы в поисках свободного пространства, и народ разом отхлынул, как круги по воде от упавшего камня.

– Вот, Торвард ярл! – весело крикнула йомфру Ильмейда и бросила в воздух легкий шелковый платок.

Платок взмыл, не торопясь падать – настолько тонок он был. Гридница затихла в напряженном внимании: Торвард протянул клинок, платок упал на серую сталь и тут же мягко заскользил вниз, спадая двумя разрезанными половинками. По гриднице пролетел общий восхищенный вскрик.

– Эй, Гельд! – Торвард качнул меч в руке и обернулся. – Не возьмешься ли ты показать дорогу к тому кузнецу, что делает такое оружие? Я бы не поскупился на серебро и даже сам служил бы молотобойцем!

– Один меч перековывают, скажем, месяц! – заметил Гуннвард конунг. – В твоей силе я не сомневаюсь, Торвард ярл, но хватит ли у тебя терпения?

– Не сомневайся! – Торвард ярл усмехнулся. – Уговаривать невесту целых два года у меня и правда не хватило бы терпения, но вот ковать меч я мог бы и два года – ведь потом он будет служить мне всю жизнь!

– А насчет девушек ты предпочитаешь справляться за два дня! – весело поддела его йомфру Ильмейда и кивнула на женский стол.

Одна из сидевших там девушек закрыла лицо руками, а гости дружно засмеялись. Девушка опустила руки, ее миловидное лицо страдальчески кривилось, а глаза словно бы плакали от какого-то отчаянно-веселого стыда. Явившись на Самоцветный мыс, Торвард ярл только скользнул опытным взглядом по фигуре йомфру Ильмейды и больше ею не занимался; зато в толпе окружавших ее девушек он быстро высмотрел одну, дочку ее воспитателя, невысокую, не самую красивую, но с милым, располагающим лицом, и тут же принялся за ней «ухлестывать», как выражалась его троюродная сестра Инга-Ульвина, поскольку даже ухаживанием это было нельзя назвать. Он буквально не давал бедной йомфру Сигне проходу, веселил ее и всех подруг, так что вокруг него всегда звучал девичий смех, но при том так выделял Сигне из всех своим подчеркнуто пылким вниманием, что уже на третий вечер после его приезда она целовалась с ним в углу гридницы, не замечая толпы. Понимая, что она ему не пара и все это плохо кончится, она все же ничего не могла поделать с его неодолимым обаянием – зная, что потом это обернется стыдом, она все равно чувствовала себя счастливой сейчас и могла гордиться, поскольку сын и наследник конунга предпочел ее всем, включая йомфру Ильмейду. Ильмейда не подавала вида, что уязвлена таким пренебрежением, но из-за этого, во-первых, удвоила внимание к более благоразумному и учтивому Хельги ярлу, а во-вторых, не упускала случая поддеть «неразборчивость» Торварда.

– Значит, тебе придется просить Вигмара Лисицу! – сказала Торварду Хьяльминна. В его словах о двухлетнем ухаживании она усмотрела какую-то тайную обиду и себе, тем более что на нее-то он смотрел уже с полнейшим равнодушием, несмотря на всю ее хваленую красоту, и теперь держалась надменно. – Не слишком-то почетный жребий для сына конунга – кланяться какому-то там Лисице! Я мало о нем знаю, но говорят, что он самого низкого происхождения!

– Но ведь этот Вигмар такой особенный человек! – подала голос госпожа Инга-Ульвина. Рауды были ближайшими соседями северо-восточных квиттов, и она больше других слышала о Вигмаре Лисице. – Он сам, говорят, оборотень, правда, Даг хёвдинг? Ты говорил, у него ничего не было, его дом был разорен, когда мой дядя Ульвхедин ярл и Эрнольв Одноглазый завоевывали Квиттингский Север, у него не было ни денег, ни дружины, а теперь он именуется хёвдингом! У него под властью земля и много людей!

– Но ведь его любила валькирия, правда, Гельд? – лукаво улыбнулась Ильмейда. – А тому, кого выбрала валькирия, выбор тинга уже не слишком важен!

– Да, похоже на то! – Гельд, уже не раз об этом рассказывавший, улыбнулся девушке. – Это было очень давно, я тогда не был с ним знаком. Мне рассказывали потом, и не столько он, сколько его жена. Она говорила, что валькирия по имени Альвкара не раз выручала Вигмара из беды. Однажды, когда он должен был сочинить хвалебную песнь о конунге, а иначе ему грозило остаться без головы, она помогла ему. И в другой раз, когда сам Один рассудил ему погибнуть и послал на него валькирию Регинлейв, Альвкара прикрыла его щитом. Он остался жив и прославился еще больше, зато Альвкара поплатилась за свое своеволие. Помните, как в песни о Сигурде:

Знаю: валькирия
спит на вершине,
ясеня гибель
играет над ней;
усыпил ее Один,
шипом уколов —
не того сгубила,
кто был ей указан.³

Вот и с Альвкарой, говорят, случилось то же. Только все говорят по-разному, на какой горе она спит: то ли на Пещерной, то ли на Каменном Столбе, а скорее всего, на Мимировой Голове. Я слышал даже, что на Раудберге, но этого не может быть, потому что там святилище и там часто бывают люди. Я сам там был.

Торвард ярл толкнул Хельги локтем. И Хельги вспомнил их недавний разговор – об огненной горе, на которой спит небесная невеста.

– И там она будет спать, пока не придет отважный герой и не разбудит ее! – продолжал Гельд. – И очень многие люди позавидуют тому, кто ее разбудит, потому что Альвкара очень красива. Она высока, стройна, как березка, и кожа у нее белая, как свежее молоко, а глаза огромные и голубые, как небо. А волосы у нее рыжие, как вот это пламя, и такие длинные и пышные, что ими можно окутать ее всю.

– Да, да! – подтвердила фру Инга-Ульвина. – Моя мать видела ее в тот день, когда она в последний раз показывалась людям на глаза. Это было за полгода до моего рождения.

– А еще говорят, что Альвкара весела нравом, приветлива, бесстрашна, пылка, решительна и постоянна во всех своих чувствах. Если она кого-то любит или не любит, так это уже навсегда. Понимаете, каким сокровищем была бы ее любовь для человека? Она указывала бы

³ Старшая Эдда. Речи Фафнира. «Ясеня гибель – кеннинг огня».

своему избраннику великие подвиги и помогала бы их осуществить, защищала бы его в битвах, и он прославился бы, как сам Сигурд!

– Ну, все, решено! – весело воскликнул Торвард ярл. – Я иду за ней! Вот такая невеста мне и нужна!

Люди в гриднице засмеялись, принимая это за шутку.

– А ты, Хельги ярл, не хочешь ли пойти со мной? – подзадорил Торвард. – Не знаю, нужна ли тебе спящая валькирия, но уж от булатного меча ты не отказался бы?

– Такой меч каждому пригодится! – Хельги кивнул. – И если ты не против, то пойдем на Квиттинг вместе. Я там не чужой – ведь моя мать была квиттинкой.

– В таком случае, я тоже! – Торвард значительно усмехнулся. – Ведь и моя мать была квиттинкой!

Хельги посмотрел на него с изумлением и тут же сообразил, что Торвард говорит правду. Матерью Торварда стала Хёрдис Колдунья, побочная дочь Фрейвида Огниво, последнего хёвдинга Квиттингского Запада. Все это знали, но никому и в голову не приходило, что мать-квиттинка делает и сына фьялльского конунга не чужим на этом полуострове, измученном двадцатисемилетней войной. Хёрдис Колдунья предала свое племя, отдала меч Дракон Битвы в руки чужому конунгу и тем помогла ему захватить ее же родину; племя квиттов проклинали ее. Хельги, благодаря материнской родне привыкший считать племя квиттов почти своим, сейчас был потрясен тем открытием, что сын Торбранда, давнего и злейшего врага квиттов, находится с ними в тех же самых родственных отношениях, что и он сам.

– А если там и правда отыщется валькирия, то мы прямо на месте и решим, кто более достоин ее любви! – Торвард подмигнул Хельги, но не шутливо, а с намеком. И Хельги убедился, что веселый Торвард ярл не хуже его помнит о соперничестве их племен. – Думаю, двух лет нам на это не понадобится!

– Может статься... Что-нибудь в этом роде и правда произойдет, – пробормотал Даг хёвдинг. Он выглядел озабоченным, опасаясь, что затеянный поход к добру не приведет. – Ты ведь не знаешь, Торвард ярл... У Вигмара Лисицы, кроме мечей, еще есть дочь. И люди говорят, что именно ее-то он и считает своим главным сокровищем!

– Кстати, она рыжая! – добавил Гельд, так потрясенный этим совпадением, что даже улыбка сошла с его лица.

* * *

Собираясь на свадьбу Альмара конунга, Хельги меньше всего предполагал, что после ее окончания немедленно соберется в новый поход, да еще и на пару с Торвардом сыном Торбранда. Начинание, что ни говори, вышло незаурядное, и о нем велось много разговоров.

– Больше славы! – смеялся Торвард ярл. – Это вернейший способ прославиться – выкинуть что-нибудь такое, чего от тебя никак не ждут! Чем бы дело ни кончилось, разговоров хватит до будущей зимы!

Хеймир конунг не слишком приветствовал решение сына еще и потому, что оно было таким внезапным: сам он, как человек осторожный и предусмотрительный, предпочел бы как следует все обдумать. Но отговаривать сына он даже не пытался, понимая, что для Хельги невозможно отступить от намерения, оглашенного при таком скоплении людей, да еще при половине всех конунгов Морского Пути.

– Во всяком случае, побываешь в гостях у твоих квиттингских родичей! – сказал он, решив найти в этом безумном предприятии хоть что-то полезное. – Твоему дядьке Дагу и твоим двоюродным братьям давно следует оказать честь. Это сильные люди, как ты знаешь, и с такой родней полезно жить в дружбе.

Дружба, как ее в основном понимал Хеймир конунг, заключалась в хорошо налаженной торговле железом. Полуостров Квиттинг обладал богатейшими на всем Морском Пути запасами железной руды и с древности славился искусными кузнецами, так что мог торговать как железом-сырцом, так и готовыми изделиями. Многолетняя война с племенем фьяллей разорила Квиттинг и сильно затруднила железную торговлю; только в последние годы положение начало понемногу выправляться. Все железо для собственных потребностей и для обширной торговли племя слэттов получало через Квиттингский Восток, через Дага хёвдинга. Неудивительно, что Хеймир конунг придавал этой дружбе такое значение. Ради этого, собственно, он и надумал когда-то взять в жены Хельгу, дочь прежнего хёвдинга Хельги и сестру Дага.

– И постарайся привезти побольше такого оружия, какое показывал Гельд! – наставлял Хеймир конунг сына. – Постарайся получше узнать, что там делает у себя в усадьбе Вигмар Лисица и кто кует ему такие мечи. Если это правда насчет Хродерика Кузнеца, то постарайся купить побольше, за лето расплатимся. Но будь осторожен. Этот Вигмар – настоящий тролль. По крайней мере, с троллями он в тесной дружбе, и они ему помогают, это вне всяких сомнений. Происхождения он самого низкого, а в Медном лесу он вот как вознесся! Без помощи троллей ему нипочем бы этого не сделать. Вигмар очень умен и горд. Если тебе придется с ним встречаться, будь осторожнее!

Зная своего сына, Хеймир конунг не слишком надеялся, что тот последует этим советам. Судя по отрешенному выражению его лица, мысли Хельги были весьма далеки от Вигмара Лисицы и даже от чудесных мечей. Его воображением владела Альвкара, валькирия, спящая на вершине неприступной горы в кольце из жгучего пламени. Все девушки, нарядные и красивые, в изобилии собравшиеся для свадьбы Альмара конунга, не привлекали его и по сравнению с Альварой казались бледными и скучными.

– За этим добром не стоило ездить так далеко! – сказал он однажды, когда Торвард ярл, посмеиваясь, упрекнул его, что он напрасно пренебрегает вниманием йомфру Ильмейды.

– Ну, ты скажешь! – Торвард в показном изумлении вытаращил глаза. – Да разве «этого добра» может быть слишком много?

Он знал, что говорил. Перед его отъездом у йомфру Сигне появилось на пальце новое золотое кольцо – на Самоцветном мысе поговаривали, что подарено оно взамен утраченной невинности, а поскольку бедная Сигне, зная об этих слухах, продолжала его носить, значит, все так и было!

– Или тебе правда валькирию надо? – допытывался Торвард, и его живые темные глаза блестели неприкрытым любопытством. – Брось, как друг говорю! – для убедительности он даже понизил голос и положил на плечо Хельги свою широкую смуглую ладонь. – Знаю я их! Ее, если честно, одну, но зато не вру, клянусь Фрейром! Впечатлений, конечно, лопатой не огребешь, но зато так она тебя вымотает, что потом двое суток отсыпаться будешь. А главное, такое чувство, что не ты ее имеешь, а она тебя. Кому как, а мне не очень нравится... А пока она там в битвах носится, ты на других глядеть не смей, а не то – такой «гром стали» тебе устроит, что мало не покажется!

Торвард ухмыльнулся, и Хельги посмотрел на него с новым, несколько сочувствующим любопытством. Всем было известно, что роду фьялленландских конунгов покровительствует валькирия по имени Регинлейв, которая иногда – если он того достоин – дарит свою любовь конунгу или его прямому наследнику, но при условии, что ее избранник не женат и может хранить ей верность. Да уж, с верностью тут должны возникнуть определенные сложности...

Но сам Хельги представлял себе любовь, в том числе любовь валькирии, несколько иначе и только улыбнулся в ответ на это предостережение, сделанное, как он понимал, от души и в самом искреннем дружеском расположении. «Знаю: валькирия спит на вершине...» Этот стих днем и ночью звенел и шептал в голове Хельги, и прекрасная девушка, спящая в окружении пламени, виделась как живая; ее пышные рыжие волосы были одного цвета с пламенем, и

нельзя было различить, где кончаются они и где начинается огонь, а ее белое лицо сияло красотой, как само солнце. Вот сейчас она поднимет веки, и откроются глаза небесной голубизны, и взор их будет радостным и нежным...

Когда свадебные торжества остались позади, в путь тронулось сразу пять кораблей. Хельги плыл на своем «Железном вороне», и его сопровождал родич Рингольд ярл, муж двоюродной сестры Сванхильд. Его корабль назывался «Кольценосный змей», поскольку в пасти змеиной головы на переднем штевне блестело огромное позолоченное кольцо. С ними шли Даг хёвдинг на «Длинногривом волке» и Моддан ярл с женой на «Коне Ран». Торвард ярл, приехавший берегом, одолжил у Альмара конунга корабль под названием «Лебедь». Его дружина насчитывала сорок с лишним человек, так что гребцов хватало.

Хельги ярла настораживало то, что он внезапно оказался товарищем того, чей отец всегда был врагом его отца, но самого Торварда это только забавляло.

– Ты хотя бы обрадовал отца своей отвагой! – посмеиваясь, говорил он Хельги, пока они готовили корабли к отплытию. – А мой даже ничего не знает!

– Он будет тебя ждать домой?

– Да нет, зачем? – Торвард даже удивился. – Лето на носу, чего мне делать дома? Я так и так куда-нибудь собирался, только не знал куда. На Зеленые острова думал, ну, они подождут! Не уплывут никуда! Зато потом как мамочка будет смеяться, узнав, что я был на ее любимой родине!

– Она это одобрит?

– Никогда! – Торвард смеялся от души, заранее радуясь впечатлению, которое на его мать произведет эта новость, а Хельги недоумевал, как можно радоваться будущей ссоре с матерью. – Мы с ней, знаешь ли, так редко сходимся во мнениях!

– И что же? – спросил Хельги с искренним любопытством. Сам он потерял мать, когда ему было всего семь лет, и не мог понять человека, который имел живую мать и не слишком дорожил согласием с ней.

– А то! Сначала мы спорим до хрипоты, а потом каждый делает так, как считает нужным. Я уже большой мальчик. Я ей это сказал еще двенадцать лет назад. А если хочет распоряжаться своим ребенком, так рожала бы девочку! Она упряма, как тролль, но я-то ее родной сын! Я ей так и говорю: вы с отцом оба упрямы, но благоразумными вас не назовешь, так где же мне было взять благоразумия? В Эльвенэсе на летнем торгу купить? У вас не продается? Нет? Странно! А говорят, у вас там хоть белого медведя можно купить.

– Белого медведя можно, – Хельги кивнул, подавляя улыбку. Невозможно было слушать Торварда ярла и устоять перед захватывающим потоком его жизнерадостности. – Прошлым летом один человек продавал.

– И почему? – жадно спросил Торвард.

– А тебе нужно?

– Мамочке подарю! – Торвард опять расхохотался.

Они часто беседовали на стоянках и даже ставили на ночь свои корабли рядом, что издавна служит признаком дружбы, и эта внезапная дружба наследников двух враждующих конунгов вызвала много разговоров везде, где они проплывали.

– Дружите, пока вам нечего делить! – как-то сказал Хельги Даг хёвдинг. – Может быть, когда-нибудь память о сегодняшнем дне сбережет много крови вашим племенам. Я хотел бы, чтобы это было так.

Хельги понимал, что в будущем возможно что угодно, но пока не видел никаких угроз их дружбе. На состязаниях свадебных торжеств они померились силой и убедились, что примерно равны друг другу: Хельги был сильнее, расчетливее и опытнее, к тому же старше на три года, зато Торвард оказался неутомимым и изобретательным. Его открытый нрав располагал к нему, и даже Хельги почти перестал вспоминать, что его мать – ведьма. Торвард оказался весьма

разговорчивым, притом говорить мог о чем угодно, и это тоже делало его подходящим товарищем для Хельги, который сам был молчалив, но любил вокруг себя человеческое оживление.

Плывя вдоль западного берега моря, что носило название Великаний Мешок, дней через десять они оказались уже возле Островного пролива, где стояла усадьба конунгов Рауденланда. Здесь путь «Коня Ран» кончался, да и остальные предполагали задержаться, чтобы оказать внимание кюне раудов Ульврун.

Кюна Рауденланда, пожилая, но еще красивая и деловитая женщина, очень обрадовалась гостям. Рауденланд располагался в точности посередине между землями слэттов и фьяллей, будучи отделен от первых Островным проливом, а от вторых – сухопутной границей, поэтому с обеими этими землями рауды поддерживали тесные отношения. Торвард ярл приходился Ульврун племянником, поскольку его отец Торбранд конунг был ее двоюродным братом, но и с отцом Хельги ее связывала давняя дружба. Она давно знала обоих молодых наследников, но теперь они впервые попали к ней вместе.

Задуманный ими поход ее очень заинтересовал.

– Да, я слышала про эти клинки, – сказала кюна Ульврун. – Но только мне не очень-то верится, что вы что-то похожее там найдете. Об этих делах хорошо поболтать зимним вечером, когда больше нечего делать, но идти в поход, опираясь на одни слухи, не самое умное, что можно придумать.

– А только если тебе все точно расскажут, распишут каждую кочку на пути? – насмешливо подхватил Торвард ярл. – Да еще и поведут за руку? Ничего себе подвиг! Это любой дурак раздобудет хоть золото Фафнира! А вот сходить туда, где никто до тебя не был, сходить туда, где... – Он не договорил и мечтательно закрыл глаза. – Ну, короче, если никто и не знает, есть ли вообще такое место – вот это, я понимаю, подвиг!

– Ну, бегать не подумав – особого подвига нет! – Хозяйка усмехнулась, не отрываясь от прялки. – А этот Вигмар Лисица горазд распускать слухи! Взять хотя бы тот курган, что он якобы раскопал, который, как говорили, был наполовину насыпан из чистого золота, что из него много взяли, а там осталось еще больше. Наши люди попали в те места в ту же зиму, когда это якобы случилось, и не нашли не то что золота, а и самого кургана. Это все одна болтовня. У страха, говорят, глаза велики, а у жадности и зависти – еще больше!

– Но у Вигмара же есть золоченое копье из того самого кургана! – вставил Даг. – Я его видел.

– А если мы выясним, что никакой булатной стали в Медном лесу нет, это ведь тоже будет означать, что мы съездили не зря, – заметил Хельги.

– Самое лучшее дело, что вы можете сделать в этом походе – встретить Бергвида Черную Шкуру! – продолжала кюна Ульврун. – С ним никто не может справиться, но уж если он повстречает вас двоих одновременно, тогда ему не устоять!

Оба ярла перестали улыбаться, Даг хёвдинг помрачнел. Имя Бергвида Черной Шкуры неприятно действовало на всех. В последние десять лет этот человек заставлял много о себе говорить. Бергвид приходился сыном Стюрмиру, последнему законному конунгу квиттов. Отца своего он не мог помнить – Стюрмир конунг погиб в самом начале войны, когда мальчику исполнился всего лишь год от роду. Через два года Бергвид вместе с матерью попал в плен к фьяллям и был продан в рабство. Вырос он за морем, в земле граннов, и граннский выговор сохранился в его речах, как говорили, до сих пор. Пятнадцать лет рабства легли на него тяжким позором: до сих пор недруги презрительно называли его рабом, и он белел от ярости, если слышал об этом, но смыть это пятно теперь было невозможно. Вся его жизнь стала мстью за этот позор, за гибель отца, за рабскую участь матери. Лишенный всех отцовских владений, он теперь правил морями, рыскал в поисках добычи и наводил ужас на торговые корабли и прибрежные усадьбы всех племен. Уже не один конунг или знатный ярл давал обет найти и истребить его, но никому еще не удалось это сделать: если противник превосходил его по силе,

Бергвид просто исчезал вместе со своими людьми, таял, как дым. Все знали, что ему помогает колдовство, и мрачный оттенок чар делал его славу еще более внушительной и грозной. Куда бы он ни направлялся, всегда для него дул попутный ветер, что говорило об особой благосклонности к нему Ньёрда. Бергвид считался проклятием Морского Пути, и никто не брался предсказать, кто и когда избавит от него семь морей.

– Он был у нас недавно, – продолжала кюна Ульврун и пояснила в ответ на изумленные возгласы мужчин: – Ну, не прямо в усадьбе, конечно, до такой бедности я еще не дожила! Хотя я и не мужчина, однако сумею постоять за свой дом! Но его корабли видели в трех переходах отсюда. К югу, Даг хёвдинг, так что по пути домой тебя еще могут ждать малоприятные новости. А ко мне сюда пешком пришел неполный десяток человек с торгового корабля. Да, Ингрот? – Она вопросительно глянула в сторону управителя, сидевшего на дальнем конце скамьи. – Человек восемь или девять. Все, кто остался. Они рассказали, что встретили Бергвида на трех огромных кораблях. Часть людей успела прыгнуть в море и спастись на берегу, а остальных он перебил. Они до ночи выжидали случая уйти и видели, как горел их корабль. А я велела готовиться своей округе: у Бергвида хватит наглости заявиться и сюда. У меня дозоры день и ночь ездили по берегу до самой границы!

– Да уж, из этого Бергвида вырос отчаянный парень! – Торвард ярл невесело усмехнулся. – Достойный противник для нас с тобой, Хельги ярл! Можно сказать, тоже локоть от нашего холста!

Кюна Ульврун сурово посмотрела на него, потом кивнула:

– Да, в чем-то ты и прав! Он ведь из вашего поколения, хотя и постарше вас обоих. Он родился за год до того, как началась Квиттингская война, значит, сейчас ему уже двадцать восемь лет.

Хельги и Торвард понимающе посмотрели друг на друга. Оба они так или иначе были обязаны своим существованием этой же самой Квиттингской войне.

– Потом, через год, когда Торбранд конунг дошел до Квиттингского Востока, а слэтты не пустили его дальше, Хеймир конунг взял в жены Хельгу дочь Хельги, – продолжала кюна Ульврун. – Тогда родился ты, Хельги ярл. А еще через год Торбранд конунг раздобыл в Медном лесу свой Дракон Битвы и в придачу жену Хёрдис Колдунью.

Даг хёвдинг подавил вздох: речь шла о его родине и последней попытке квиттов собраться и дать отпор врагам. Благодаря родству с конунгом слэттов Даг имел возможность поддерживать порядок в своей четверти страны, но положение остальных трех четвертей было плачевным. Население оттуда разбежалось, поля зарастали кустарником. Единая некогда держава распалась на семь областей, каждой из которых самовластно управлял свой вождь-хёвдинг.

– И ваши отцы двадцать пять лет назад были бы весьма удивлены, если бы увидели, как вы оба сидите у меня здесь как лучшие друзья! – Кюна Ульврун соединила беглым взглядом Хельги и Торварда. – И я хотела бы, чтобы это было надолго! От этой войны всем одни беды! И нам тоже, и многим другим!

– Выходит, мы с тобой, Хельги ярл, живые саги о Квиттингской войне, – Торвард снова усмехнулся, но как-то невесело и задумчиво.

– Хотелось бы знать, сагами чего будут в свое время наши дети, – заметил Хельги.

– Это уж от вас зависит, – ответила ему кюна Ульврун. – Но я молю богов об одном: чтобы у Бергвида Черной Шкуры вовсе не было детей!

– Между прочим, родственница, мы с Хельги ярлом как раз задумались о продолжении своих славных родов! – Торварду надоело говорить о грустном, и он подмигнул тетке кюне.

– Вот как! – Кюна Ульврун оживилась, как оживляется всякая женщина при упоминании этого предмета. – Уж не пытались ли вы отбить невесту у Альмара Тростинки? Напрасно – она, я думаю, так горда и привередлива, что он с этой красоткой еще наплачется! Или ты нацелился... – Она бросила взгляд на Хельгу, сидевшую с шитьем в дальней стороне гридницы.

– Нет! – Торвард засмеялся и затряс головой. – Прекрасная Хельга дочь Дага не для меня! Я уж сколько дней лезу вон из кожи, чтобы ей понравиться, а она все еще смотрит на меня, как на морского великана!

Хельги слегка улыбнулся: Торвард несколько преувеличил свои старания. Он был не только любвеобилен, но и разборчив: он хорошо знал, чего хочет, и никогда не гонялся за победами ради самих побед, а также отлично понимал, какая женщина какого обращения заслуживает. Он охотно разговаривал с Хельгой, шутил, совершенно невинно забавлял ее разными баснями о своих и чужих приключениях, однажды на стоянке принес ей из леса живого зайчонка, но даже взять за руку никогда не пытался, словно она и ему приходилась сестрой, – короче, обращался с ней скорее как с маленькой девочкой, чем как со взрослой девушкой. Этому способствовали ее малый рост, хрупкость, ее робость, из-за которой мало кто вспоминал, что ей уже двадцать лет. Для более близкого знакомства Торвард ярл предпочитал ее молодых служанок: Хельги не раз замечал его болтающим то с одной, то с другой, то с двумя сразу, а не далее как на последней стоянке перед Островным проливом видел, как доблестный Торвард ярл возвращается из ближайшей рои в обществе одной из этих девушек. Свой плащ он нес свернутым на плече, но все равно на толстой коричневой ткани виднелись следы тесного соприкосновения с непросохшей весенней землей.

– Ты знаешь, что где-то в Медном лесу спит прекрасная валькирия? – ответил он тетке кюне, недоумевавшей, кого же он выбрал.

– Уж не об Альвкаре ли вы вспомнили? – Кюна Ульврун усмехнулась с шутивым беспокойством. – Я-то уж подумала, что ты в самом деле... Альвкара! Надеюсь, что она оставила смертных в покое!

– А разве ты знаешь о ней что-нибудь нехорошее?

– А разве она мне сделала что-то хорошее? Я видела ее однажды, как раз двадцать семь лет назад. В тот год, когда к нам приехал Эрнольв Одноглазый и передал приглашение Торбранда конунга идти с ними на Квиттинг. Мой отец, умный был человек, не хотел соглашаться. А брат, Ульвхедин ярл, непременно хотел идти в поход. Даже задумал жертвоприношение, чтобы боги указали, идти раудам в поход или не идти. Вот тогда и появилась Альвкара. Она указала нам на юг – и мы пошли в поход. – В голосе кюны Ульврун проявлялось все больше досады, и она совсем позабыла, что в те давние дни не меньше своего воинственного брата желала этого похода, обещавшего раудам огромные выгоды. – И теперь мой брат Ульвхедин, говорят, бегаёт по Медному лесу в виде оленя с золотыми рогами, если его еще не подстрелили и не съели, а я одна управляюсь тут со всем племенем и едва могу отбиться от кваргов, от этого проклятого Фримода ярла, чтоб ему провалиться! Был бы у меня в роду хоть один настоящий мужчина, он бы... Довольно об этом! – Кюна сама себя прервала. – Если вы верите, что вам с ней больше повезет, – это ваше право.

– Нам бы узнать о ней хоть что-нибудь! – попросил Торвард ярл. – Нет ли у тебя, родственница, какого-нибудь мудрого человека, который нам о ней расскажет получше?

Чтобы сделать приятное гостям, кюна Ульврун послала за сказителем, знавшим древнюю «Песнь об Альвкаре», и на другой день он приехал. Послушать его нашлось много охотников: на скамьях и на полу, у стен и в углах, даже в дверях теснились домочадцы и гости, проезжие торговцы, которых всегда хватало на берегах Островного пролива. И все это множество народу хранило молчание, чтобы не мешать певцу – толстоватому, ничем не примечательному человеку средних лет, усаженному к очагу на особую маленькую скамеечку. На коленях он держал арфу. Когда возня и борьба за места утихла, почетный гость начал рассказывать:

– *Жил один конунг, по имени Халльмар, он правил в Рауденланде. Жену его звали Храфнхильд, а дети их были Альвмунд и Альвкара. Они были близнецы и очень любили друг друга. Альвкара часто сопровождала брата в походах.*

Дальше он ударил по струнам арфы и запел, не слишком звучным голосом, но зато торжественно, умело выделяя слова:

Стяг вышивала
знатная дева,
шлем и кольчугу
герою вручала;
победы желала
брату в сраженьях,
сплетала заклатья,
чтоб был невредим он.

Гамардом звали конунга, который правил в земле кваргов. Он посватался к Альвкаре и велел сказать так:

– Женою мне будет
светлая дева
в уборах из золота,
в пестрых нарядах.
Дам я дары —
не бывало богаче:
красное золото,
в битвах добытое.

Дам платья белее
лебяжьего пуха,
рабов дам я лучших
и сотню рабынь,
коров и овец,
коней самых резвых,
если женою
Альвкара мне будет.

На это Альвкара велела ответить так:

– Ищи себе жен
в лесах великаньих:
родом ты низок,
рабыни отродье,
мало прославлен
доблестью Гамард,
чтоб в жены просить
Халльмара деву.

Тогда Гамард очень разгневался и стал собирать войско. Он послал сказать Халльмару так:

– Если не будет
отдана дева

в уборах из золота
Гамарду в жены,
горькая участь
страну ожидает:
жизнь нежеланной
покажется Халльмару!
Дом ваш растопчет
древа губитель,⁴
дружина усеет
костями равнины,
когда приплыву я
на сотне «драконов»
и копья блестящие
в шлемы ударят.

Халльмар убит мной
будет в сраженье,
сын его станет
хлевы мои чистить,
дочь его сядет
за жернов на кухне,
рабыней мне будет
упрямая дева.

Когда сын конунга Альвмунд услышал все эти угрозы, он очень разгневался. Он был великий воин. Тогда Альвмунд приказал собирать войско. И когда войско было собрано, корабли заняли собою весь Островной пролив, так что по их бортам можно было перейти от одного берега на другой, как по суше. Альвмунд стоял во главе этого войска. Альвмунд сказал:

– Больше ты, Гамард,
гордиться не будешь,
тебе отомщу я
за злобные клятвы!
Узнаешь ты вскоре
Альвмунда руку:
ходить за скотиной
тебя я заставлю!

И тогда два войска встретились возле Ньёрдова камня. Его называли так, потому что там в древности было святилище Ньёрда. Кораблей было так много, что из-за них не было видно воды во фьорде. Об этом говорится так:

Плыли «драконы»
в обители Эгира,⁵
луны бортов⁶

⁴ То есть огонь.

⁵ То есть по морю.

⁶ То есть щиты, повешенные на борта.

стояли стеною.
Вспенили весла
волны, как в бурю,
мачты над морем
выросли лесом.

Альвмунд и Гамард встретились у Ньёрдова камня и принесли жертвы. Гамард принес жертвы Одину, и Один дал ему свое копье, и никто не мог одолеть его, когда он бился этим копьем. Они оба были великие воины. Они стали биться, и вышло так, что Гамард поразил своим копьем Альвмунда и тот умер.

Альвкара была с братом в том походе. Велико было горе Альвкары, когда она увидела его мертвым. Горько она заплакала и сказала так:

– Горе мне, деве
в уборах из золота,
тяжкую участь
мне норны судили!
Я брата лишилась,
павшего в битве,
одна я осталась,
как ель над горою!

Брат мой рожден был
вместе со мною,
каждой дорогой
мы шли неразлучно.
О боги благие!
Ответьте несчастной:
кто же защитой
теперь мне послужит?

И тогда Альвкара увидела, что брат ее открывает глаза и приподнимается. И он сказал ей так:

– Слезы горячие
жгут меня, мертвого,
сжалились боги
над участью девы.
Если, Альвкара,
богам ты послужишь,
станет защитой
сам Один от Гамарда.

Альвкара сказала:

– Рада я выполнить
волю Властителя,
если защитой
мне он послужит.

Дух твой пребудет
спокойным, о брат мой!
Убийце отмщу я,
как воин отмстил бы!

Тогда с неба спустились восемь прекрасных дев на конях цвета пламени, и девятого, свободного коня они привели с собой, и он был самым лучшим. Альвкара села на этого коня, и он умчал ее в небо. С тех пор она стала валькирией и носилась в битвах над землею и морем.

Так кончается первая песнь об Альвкаре.

Когда сказитель окончил, в гриднице еще некоторое время стояла тишина. У женщин на глазах блестели слезы, на лицах мужчин отражалось волнение.

– Это очень хорошая песнь, – сказал Хельги, стягивая с пальца золотой перстень и подавая его певцу. – Прими это от меня в награду за твое искусство.

– Хорошая песнь! – поддержал Торвард ярл и украдкой подмигнул своему другу Халльмунду, который все время силился подавить зевок. – И не слишком длинная...

– Но это, выходит, первая песнь об Альвкаре? – стал расспрашивать воспитатель Хельги, Аудольв по прозвищу Медвежонок. Мощной фигурой, широким низколобым лицом, заросшим темной бородой, он и правда отчасти напоминал медведя. – Так ты сказал, да? О мудрый колебатель арфовых волос! – А значит, где-то есть и вторая? Не пропоешь ли ты нам и ее? Хотелось бы знать, чем же кончилось дело. Отомстила она за своего брата или нет?

– В этом не приходится сомневаться! – холодно вставила кюна Ульврун. – Она отомстила, да так хорошо, что мы с тех пор пять веков не можем помириться с кваргами! И некоторые даже сомневаются, в удачный ли день родилась эта славная женщина!

Сомневалась в первую очередь сама кюна Ульврун.

– Кварги первые начали! – загомонила гридница. Рауды были рады получить лишнее подтверждение, что их древние и вечные враги сами во всем виноваты.

– Гамард первый начал!

– Он угрожал конунгу Халльмару!

– Грозил истребить его род!

– Наши конунги должны были защищаться!

– Так как же насчет второй песни? – не отставал Аудольв Медвежонок, отличавшийся истинно медвежьей настойчивостью. – А может, есть и третья?

– Вторая песнь есть, она сложена еще в древности, – ответил наконец певец. – Она повествует о мести Альвкары за Альвмунда. Но только я ее не знаю, – вынужден был он сознаться под настойчивым взглядом медвежьих глазок Аудольва – маленьких, глубоко посаженных, темных и жадноватых. – Ее знал старый Видкунн, мы с ним певали вдвоем, но он умер уж лет десять назад. И едва ли тут есть хоть один человек, который ее знает.

– Эх, вы! – упрекнул Торвард ярл. – Забыли славу своего племени! А теперь кварги все будут петь наоборот, и выйдет, что вы во всем виноваты! А вам и защититься от напраслины будет нечем!

– Это потому что наша кюна не любит песен об Альвкаре! – шепнула Торварду на ухо служанка. Молодая, проворная девица с кошачьими зелеными глазами весь вечер потихоньку липла к знатному гостю, видно надеясь пожить не только рассказами. – Потому что из-за нее, когда она в последний раз появлялась, рауды пошли в поход и голова Ульвхебина ярла украсилась золотыми рогами. Вот она ее и не любит, и у нас про это не пели.

– Рога – всегда обидно! – хохотнул в ответ Торвард ярл. – Даже золотые!

– А он и женат-то не был! – Служанка тоже рассмеялась. Она была слишком молода и никогда не видела Ульвхебина ярла, пропавшего двадцать семь лет назад, поэтому не жалела о нем.

– А где я могу найти человека, который знает эту вторую песнь? – спросил между тем Хельги. Песнь об Альвкаре понравилась ему больше, чем он показал.

– Я хотел бы тебе ответить... – Сказитель развел руками. – Но у нас такого человека нет. Поищи на Квиттинге, раз уж ты все равно туда плывешь. Там ее видели в последний раз.

Хельги молча кивнул. Он намеревался поискать на Квиттинге не столько песнь об Альвкаре, сколько саму Альвкару.

* * *

Дней пять или шесть погостив у кюны Ульврун, четыре корабля двинулись дальше. Еще несколько дней они плыли вдоль побережья на юг; миновав область Квиттингского Севера, теперь занятую раудами, они приблизились к рубежам Квиттингского Востока. Здесь начинались владения Дага хёвдинга, но до усадьбы его, которая называлась Тингваль – Поле Тинга, предстояло еще несколько дней дороги.

Вид берега быстро менялся, за обрывистыми склонами вдалеке вставали новые и новые горы. Эти горы уже принадлежали Медному лесу, внутренней области Квиттинга, и Альвкара завладела воображением Хельги с новой силой. Теперь она была уже где-то рядом – от этой мысли сердце начинало сильно биться. Горы Квиттинга, поросшие лесом, темно-зеленые с голубоватой дымкой, выглядели загадочными, скрывающими множество тайн, почти живыми. Низкие серые тучи пасмурного дня лежали, казалось, прямо на вершинах гор; как знать, что они скрывают под своим густым покровом? Не видно было ничего похожего на площадку, окруженную бурным пламенем, да Хельги и не ждал ее увидеть. Не может быть, чтобы для колдовского сна валькирии Один выбрал гору, которую можно увидеть с любого проходящего корабля. Ее гора подальше... «Как ее найти?» – снова и снова задавал он себе вопрос. Придется расспрашивать, и надо быть готовым к тому, что собеседник посмотрит на тебя с сомнением и ответит что-нибудь вроде: «Ты ничего не путаешь, ярл? Сорок лет тут живу, никакой Альвкары у нас в округе не бывало. Альва одна есть, Альвдис была, да померла зимой... А, у Хринга Рябины младшая дочь Альвхильда. А Альвкары никакой у нас нет и не было».

Что людям до древних сказаний? У них и своих забот хватает.

Песнь, услышанная в усадьбе Островной Пролив, все еще звучала в памяти Хельги. Образ Альвкары, прежде расплывчатый – он ничего-то не знал о ней, кроме того, что у нее пышные рыжие волосы, – теперь стал очень живым и ярким. Как горда, как отважна, как горяча сердцем была эта девушка! Как была она привязана к брату!

Стяг вышивала
светлая дева,
шлем и кольчугу
герою вручала,
победы желала
брату в сраженьях,
сплетала заклатья,
чтоб был невредим он...

Как хорошо! Хельги как наяву видел все это – и стяг, вышитый белыми руками конунговой дочери, и ее саму, подающую блестящий шлем воину, готовому в поход, – и воином этим был он сам, Хельги. Он видел ее, простирающую руки к небесам перед обагренным кровью жертвенником, молящую богов о защите для брата от вражеского оружия. И волосы ее точь-в-точь такого же цвета, как бурное жертвенное пламя, такой же неистовой волной выются по

ветру... «Она всегда сопровождала брата в походах...» Должно быть, она с детства все хотела делать вместе с ним, и копье валькирии, врученное Одином, не показалось ей новостью...

Брат мой рожден был
вместе со мною,
каждой дорогой
мы шли неразлучно...

Сердце сжималось при мысли, как велико было ее горе – хуже самой смерти стала для нее смерть того, кто был неотделимой частью ее самой. И как велика была любовь брата к ней, если он, даже мертвым, нашел в себе силы утешить ее... Хельги видел высокую, стройную деву, стоявшую на коленях, в горести склоненную над мертвым, видел ее белые руки, закрывшие лицо, видел слезы, капающие сквозь тонкие пальцы на грудь павшего... Он бы тоже встал, если бы над ним проливали слезы та, что умеет любить так горячо и самозабвенно... И сейчас Хельги готов был сделать что угодно, пройти через подземные миры и морское дно, повернуть реки и сдвинуть горы, лишь бы только найти ее. Разбудить ее от колдовского сна, дать ей новую жизнь... Любовь такой девушки – величайшее сокровище, ради которого не жаль ничего и больше которого не будет никакая слава, никакие богатства! Ей даже необязательно быть такой уж красивой...

Нетерпение Хельги передалось и кораблю: «Железный ворон» шел первым, хотя разумнее было бы пропустить вперед «Длинногривого волка», гребцы и кормчий которого гораздо лучше знали здешние воды. Хельги стоял на носу и благодаря этому первым увидел, как из-за низкого, каменистого, лишённого растительности мыса выходит навстречу корабль. На штевне его возвышалась бычья голова, выкрашенная в черный цвет и увенчанная огромными белыми рогами. На мачте пламенел, как кровавая луна, красный щит, знак войны. Хельги не сразу опомнился: этот корабль vyplыл как бы из его собственных мечтаний и в то же время напоминал о разговорах, слышанных наяву. И не далее как у кюны Ульврун несколько дней назад...

Мгновенно все мысли об Альвкаре, о любви, страдании и огненных горах исчезли из головы Хельги.

– Да это Бергвид! – Аудольв Медвежонок подбежал сзади и ударил Хельги по плечу, словно хотел разбудить. – Черная Шкура! Да возьмут его тролли! Вот так встреча! Хельги ярл! Сам Один нам его послал! Только что ведь говорили! Давай ключи!

С «Длинногривого волка» затрубил рог, предупреждая об опасности; с «Лебеда» Торвард ярл немедленно ответил боевым призывом и первым стал спускать парус, готовясь к бою. Фьялли, хоть и уступали прочим дружинам числом, по части боевого задора могли подать пример кому угодно: для них не стоял вопрос, сражаться или не сражаться, и они уже забежали, сворачивая парус и укладывая мачту, чтобы облегчить передвижение корабля. Торвард ярл уже сидел возле оружейного ящика, отпирая замок, и тут же мечи и секиры пошли по рукам; фьялли снимали щиты с бруса, где они висели во время плавания, сбрасывали плащи. Оруженосец Торварда уже держал наготове его щит и копье; мельком перехватив взгляд Хельги, Торвард что-то весело крикнул, и вид у него был такой, словно он получил неожиданное приглашение на пир.

На остальных трех кораблях разворачивалась похожая суета. Встречу с Бергвидом Черной Шкурой именно сейчас следовало посчитать большой удачей: едва ли каждый из троих – Даг хёвдинг, Торвард ярл и Хельги ярл – смог бы найти себе боевых товарищей лучше, чем двое других.

– Пойдем вперед! – не оборачиваясь, распорядился Хельги. – Ключи!

Отцепив от пояса ключ от оружейного сундука, он протянул его назад, не оборачиваясь; ключ перехватили, кто-то загремел замком.

– Это будет песня! – приговаривал Аудольв Медвежонок, резво бегая по кораблю и раздавая оружие. – Это да! Вот это подарок! Возьми его тролль!

«Железный ворон» замедлил ход. «Черный бык» уже целиком вышел из-за мыса, за ним показался еще один корабль. Воображение рисовало, что вражеские корабли так и будут идти сплошной цепью, один за одним – «так что по их бортам можно было перейти от одного берега до другого, как по суше». «Железный ворон» медленно двигался вперед. Три других корабля догоняли его, выстраиваясь в ряд для битвы.

Хельги напряженно вглядывался в «Черного быка»: ему страстно хотелось увидеть Бергвида Черную Шкуру, взглянуть ему в лицо. К нему приближалось живое сказание, кровавое и страшное, ставшее неотделимой частью семи морей за последние десять лет. Каков же он, то ли человек, то ли злой дух, наводящий страх на Морской Путь, возбудивший к себе ненависть даже самих квиттов, конунгом которых он себя звал? Под передним штевнем «Черного быка» стоял довольно рослый темноволосый человек в блестящем шлеме, в кольчуге под черным плащом. Это мог быть только он.

– Хельги ярл, возьми! – Кто-то сзади подал ему шлем и кольчугу, Аудольв Медвежонок помог надеть ее. Хирдман встал рядом с ним со щитом наготове, другой подал Хельги копьё.

– Кто смеет плавать тут, возле моих берегов! – закричал тем временем человек в черном плаще, приставив ладони ко рту. – Я, Бергвид сын Стюрмира, конунг квиттов, требую ответа!

– Я – Даг сын Хельги, хёвдинг восточного побережья! – крикнул в ответ ему Даг Кремневый. – Ты мог бы меня узнать, хотя мы давно не виделись. Десять лет назад ты был гостем в моем доме и мог бы знать, что здесь вокруг – моя земля. И мне никогда еще не приходилось просить разрешения, чтобы плавать возле моей собственной земли! И я посоветовал бы тебе, Бергвид сын Стюрмира, в память о нашем родстве не затевать ссоры, которая плохо кончится!

– Он с ума сошел – мириться вздумал! – охнул Аудольв Медвежонок. – Чего еще не хватало!

– Иначе нельзя, – бросил Хельги, понимавший, что миролюбивый нрав Дага, его родство с Бергвидом и привычка поддерживать спокойствие на своей земле не позволяли ему поступить иначе. – Он не согласится, не волнуйся.

– Я не признаю никакого родства с тобой, слэттинский прихвостень! – закричал в ответ Бергвид. – Ты предал законного конунга, как твой отец предал моего отца! Раз уж мы встретились в море, защищайся!

– Если тебе чем-то не нравятся слэтты, можешь спросить ответа у меня! – крикнул Хельги. – Я, Хельги сын Хеймира, конунга слэттов! И я давно хотел встретить грабителя наших торговых кораблей!

– Ты – сын Хеймира, конунга слэттов?! – вскрикнул Бергвид и повернулся к Хельги.

Если с Дагом хёвдингом он был знаком уже десять лет, то с Хельги они встретились впервые. В голосе Бергвида прозвучало изумление и злобное торжество, как будто он не сразу мог поверить в такую удачу. Быстрым движением он подался вперед, положил руку на борт, словно ему не терпелось скорее добраться до противника. Корабли уже настолько сблизились, что можно было разглядеть лица, и лицо Бергвида неприятно подействовало на Хельги: в этих резких чертах отражалось какое-то нездоровое оживление. Возможно, он берсерк, отметил про себя Хельги, хотя об этом, помнится, ничего не рассказывали. С берсерками драться можно, но приятного в этом мало.

– Давно я мечтал об этой встрече! – горячо продолжал Бергвид. – Ты, трус, сидишь среди женщин и никогда не показываешься на морях! И отец твой такой же! Давно я хотел повстречать кого-нибудь из вас! Вы предали мою мать и оставили ее... чтобы Торбранд Тролль мог захватить ее в плен и продать как рабыню! Твой отец клялся ей в верности и нарушил клятву! Ты мне ответишь за него! Вы мне ответите за позор моей матери! Подлецы! Предатели! Труссы! Мерзавцы!

Все это была ложь и клевета: за последние десять лет едва ли выдался хоть один год, когда Хельги летом не выходил бы в море, и в пленении кюны Даллы, матери Бергвида, Хеймир конунг никак не был виноват, и никаких клятв верности он ей не давал. Но несправедливое оскорбление не перестает быть оскорблением, и сейчас уравновешенный Хельги сын Хеймира ощутил твердое и непреклонное желание сбросить наглого разбойника в море вниз головой.

– Ты, раб и сын рабыни! – с негодованием заорал со своего корабля Торвард ярл. – Нечего клеветать на людей! Твоя мать сама продала себя в рабство! Она сама тебя пристроила в свиной хлев! И там тебе самое место, судя по твоим подлым повадкам! И туда я тебя верну! Я – Торвард сын Торбранда! И если ты чем-то недоволен, то сейчас мы за все и посчитаемся! Не тебе угрожать нам! От тебя еще несет навозом!

Бергвид взвыл от ярости: судьба как нарочно привела ему навстречу трех злейших его врагов. Ухо Хельги дрогнуло, но от сердца тут же отлегло: это не был вой приходящего в исступление берсерка, который ему уже приходилось слышать. Бергвид сбросил свой плащ, выкроенный из черной бычьей шкуры, и взмахнул мечом.

– Это твой последний бой, Хельги сын Хеймира, клянусь Медным лесом, последний! – кричал он. – И твой тоже, Торвард сын Торбранда! Сын ведьмы и тролля!

Дикая ярость и ненависть до неузнаваемости изломали его лицо, и сейчас он воистину походил на злобного и кровожадного духа.

Против четырех кораблей стояло всего три Бергвидовых, притом один из них, снека весел на двенадцать, не мог быть достойным противником даже для «Лебедя», самого меньшего из четырех, имевшего восемнадцать скамей и сорок человек дружины. При таком явном превосходстве сил мысль о поражении не могла прийти в голову, и не пришла бы, будь тут какой-нибудь другой противник. Но Хельги держал в уме то, что уже десять лет лучшие воины Морского Пути ничего не могут поделать с Бергвидом, а этого не может быть просто так, и решил быть осторожнее. А горячее безумие в лице морского конунга говорило о том, что при любом соотношении сил тот не сомневается в своей победе; для Бергвида встретить врага уже означает победить, и этому должны быть причины!

«Черный бык» и «Железный ворон» совсем сблизились; с другой стороны к «Быку» подходил «Лебедь». На «Быке» поднялось лихорадочное движение: разделившись на две части, его дружина готовилась отражать нападение сразу с двух сторон. Сквозь гул ветра и плеск волн, грохот оружия и шум долетали лихорадочные выкрики Бергвида, имена богов и морских великанш: то ли бранится, то ли заклинает.

Последним взглядом Хельги окинул свои корабли: «Длинногривый волк» выгребал навстречу квиттингскому кораблю, примерно равному ему по размеру, и хирдманы Дага хёвдинга уже держали наготове железные крючья, чтобы метнуть их на вражеский борт. Рингольд Поплавков на своем «Кольценосном змее» гнался за маленькой снекой, которая боя принимать не хотела, предвидя верную гибель. Не все люди Бергвида, как видно, обладали его одержимостью.

А дальше Хельги уже ни о чем не думал: опыт и голос Одина в глубине души подсказали, что пора пришла, рука сама метнула в сторону «Быка» приготовленное копьё, и знак к началу битвы был подан.

Рядом свистнули крючья, борта двух кораблей с громким треском столкнулись, волны боевых кличей взмыли и рядом с ним, и напротив, и Хельги прыгнул на борт с мечом в руке, увлекая за собой дружину. Волна слэттов, волна кольчуг и блестящих шлемов хлынула на «Быка» и тут же столкнулась с волной квиттов; клинки с лязгом скрестились, вскрикнули первые раненые. Волна нападавших сразу уперлась в ряд разноцветных и разнородных щитов. С кормы «Быка» тоже долетали крики: там уже был Торвард ярл. Слэтты вдруг после нескольких мгновений боя заметили, что противников гораздо меньше, и с удвоенной силой стали теснить их. Тела живых и мертвых летели за борт, над кораблем стоял крик и лязг железа.

Перепрыгнув на «Быка», Хельги сразу наткнулся на Бергвида. Тот еще в прыжке встретил его острием копья, но Хельги на лету отбил его щитом и тут же обрушил удар меча на голову врага, тот успел уклониться. Они бились под передним штевнем, когда основная часть дружины уже переместилась ближе к мачте. Бергвид дрался с горячей яростью, как берсерк, с хрипом и даже взвизгами на каждом ударе, но силы его не превышали обычные человеческие, и Хельги еще раз убедился, что настоящего «боевого безумия» его противнику Один не дал. Перед ним мелькали горячие, дикие, как у бешеного коня, темные глаза Бергвида с лихорадочным огоньком, его оскаленные белые зубы; он отдавал битве всего себя, как будто настала Последняя Битва при Затмении Богов, бился с бешеной самозабвенной страстью, словно ему было больше не для чего беречь себя. Хельги кожей ощущал страшную ненависть своего противника, ненависть, копившуюся годами. Но ведь они никогда не встречались, а значит, эта ненависть не могла быть предназначена именно Хельги; казалось, что эта ненависть текла в жилах Бергвида вместе с кровью и легко просыпалась по первому зову, обращалась, как на главного виновника всех бед, на любого, кто подворачивался. Хельги ощущал, что Бергвид видит в нем не его самого, а «врага своего вообще», и с этим-то вечным, неизменным, нередко убиваемым и вечно возрождающимся многоликим врагом Бергвид сейчас и имеет дело. Чуть ли не весь мир слился для Бергвида сына Стюрмира в одно расплывчатое ненавистное лицо, и с целым миром он сражался, вкладывая в каждый удар самозабвенную ярость Последней Битвы.

Но хладнокровие, сила и выучка Хельги успешно противостояли этой почти священной ярости, и постепенно он стал теснить своего противника. Бергвид отступал, шаг за шагом они прошли переднюю половину корабля, почти пустую, не считая мертвых и раненых, всяческого оружия и разрубленных щитов, попадавших им под ноги. Они дошли до мачты, краем уха Хельги ловил впереди отзвуки голоса Торварда ярла, весело и яростно кричавшего что-то, мельком видел нос его корабля возле кормы «Быка». Еще немного – и Бергвид с остатками своих людей будет в клещах; еще один натиск, и квитты посыплются за борт, а корабль будет в руках слэггов и фьяллей.

И вдруг все закачалось у Хельги перед глазами. Он не мог понять, в чем дело; он не чувствовал боли, он не был ранен, но странная тяжесть вдруг навалилась на него. В глазах потемнело, люди и предметы превратились в расплывчатые пятна. Не понимая, что с ним, борясь с чувством беспомощности и страха, Хельги продолжал отбиваться почти наугад. Его противник тоже стал не тот: его движения замедлились, стали менее точны и ослабели. Но теперь Хельги не мог даже увидеть его в сером колдовском тумане, и два их клинка, неуверенно находя друг друга, сталкивались случайно и сшибались вяло, как пьяные. Из всех сил Хельги старался взять себя в руки, сосредоточиться, собраться с силами, но руки и ноги плохо слушались. На веки давила страшная тяжесть, держать глаза открытыми было невероятно трудно, и даже воздух вокруг стал каким-то очень жидким. Изредка из тумана выскакивало лицо Бергвида, его разметающиеся по плечам черные волосы, искаженное яростью бледное лицо; оно то придвигалось вплотную, то вдруг отдалялось, и Хельги то тянулся, напрасно пытаясь его достать, то едва успевал отразить удар, который вдруг падал ему на голову прямо из воздуха.

Днище корабля под ним качалось все сильнее, Хельги с трудом удавалось устоять на ногах. Каждый мускул, каждая жилка напрягались, стремясь сбросить путы колдовства, но теперь Хельги на себе убедился, что ничего нет сильнее злобных чар. Ни одно, даже самое простое охранительное заклинание не приходило на память.

Резкий порыв свежего ветра ударил сверху и омыл голову, как вода. Все чувства разом ожили, внешнее и внутреннее равновесие восстановилось. Слуха коснулся резкий крик ворона. Тяжесть на веках исчезла, тьма в глазах рассеялась. Напротив Хельги стоял Торвард ярл с мечом в руке и обалдело смотрел на него. Вокруг оставались только мертвые, а на «Лебеде» позади кормы «Быка» кипела отчаянная схватка.

– Ты что! – только и крикнул Торвард, как в величайшем изумлении.

У Хельги было такое чувство, что он заснул прямо посреди битвы и чуть не проспал самое важное. На «Железном вороне» тоже шла битва, и там под своей собственной мачтой Хельги увидел спину и разметающуюся копну спутанных черных волос. Бергвид! Так он там! Враг его, наславший на него «боевые оковы», обманул его, сбежал, заставил его биться с каким-то мороком, призраком, оставил ему в противники один свой облик, а сам у него за спиной убивает слэттов! И вот тут в жилах Хельги вскипела деятельная, жаждущая немедленного исхода ярость. Это бесчестно! Бесчестно обессиливать противника боевыми оковами, а самому действовать у него за спиной! Это дело подлеца! Труса и раба! Такой не смеет жить на свете и пятнать собой землю и море!

С яростным криком Хельги кинулся назад на «Железного ворона», перепрыгивая через тела и разбросанное оружие.

Одолев два сцепленных крючьями борта, Хельги снова оказался на своем корабле и устремился к Бергвиду. Он что-то кричал, чтобы заставить противника повернуться к себе лицом; кто-то из квиттов бросился ему навстречу, к груди ринулись сразу два копья, но Хельги сильным ударом обломал оба, двумя выпадами расправился с обоими квиттами, один из них упал, второй отшатнулся и полетел за борт, так как стоял на скамье. Где-то впереди Хельги видел спину Бергвида, видел, как тот работает мечом, угадывал, как падают тому под ноги люди – слэтты, его, Хельги, собственные хирдманы, часть его самого! Кто-то все время бросался на Хельги, он отбивался стремительно и нетерпеливо, всякий другой враг казался ему лишь помехой на пути к Бергвиду. Он шел к нему через качающийся «Ворон», а тот все удалялся; вот он уже на корме. Дальше – только море.

Хельги наткнулся на сиденье кормчего, и ему пришлось остановиться. Привалившись к сиденью спиной, на днище корабля полулежал один из его хирдманов со стрелой в груди под самой ключицей. Внизу плескались волны. И Хельги вдруг ясно осознал, что никакого Бергвида тут нет и не было.

Опершись о борт, Хельги оглянулся. По лицу его обильно текли струйки пота, воспаленные глаза жгло. Во всем теле ощущалась страшная тяжесть, двинуться было трудно. Даже меч казался неподъемным, но врагов рядом не наблюдалось, и Хельги, разжав пальцы, позволил мечу выпасть на доски днища.

Прохладный ветер дул в лицо, в голове прояснилось. Хельги как будто вырвался на свежий воздух из дыма и пламени и мог теперь оглядеться.

«Черный бык» уходил прямо в море, причем крючья с «Железного ворона» висели у него на бортах с оборванными веревками. Двигали его какие-то чудесные силы, поскольку ветер дул навстречу, парус не был поднят и на «Быке» не гребли. Людей на нем осталось мало, не больше половины от первоначального числа, почти все сидели или лежали с видом полного бессилия. Только сам Бергвид стоял на корме и смотрел на второй из своих кораблей, догонявший «Быка».

Хельги окинул взглядом море. Маленькая снека качалась на волнах уже довольно далеко от берега, но можно было разглядеть, что она пуста: на ней остались только мачта, скамьи и

несколько неподвижных темных тел. «Кольценосный змей» Рингольда ярла, почти не пострадавший, на веслах шел следом за уходящими квиттами, но двигался он медленно и явно отставал. «Длинногривый волк» Дага стоял возле берега.

«Железный ворон» качнулся – это «Лебедь» подошел к нему вплотную и толкнул бортом в борт. К Хельги приблизился Торвард ярл. Его черные волосы разметались, рукав рубахи был почему-то оборван и висел клочьями, и на крупном тугом мускуле чуть ниже локтя виднелся глубокий порез. На ходу Торвард старательно зализывал его, и это придавало ему еще больше сходства то ли со зверем, то ли с диким великаном. На одном из толстых золотых браслетов, что украшали оба его запястья, виднелась свежая глубокая зарубка. Торвард тяжело дышал, еще не остыв от ярости битвы, казался возбужденным и каким-то лихорадочно веселым.

– Как ты? – Привалившись к борту, Торвард тронул Хельги за плечо, будто хотел убедиться, что это не морок. – Я-то тебя не задел?

– Ты? – Хельги не понял.

– Так мы же с тобой дрались, – с досадой пояснил Торвард и длинно замысловато выругался. – Вот заморочил, гад! Проскользнул между нами и ушел, а мы друг на друга накинлись!

И Хельги стало ясно, откуда перед ним вместо Бергвида вдруг появился Торвард: он и был там уже довольно давно, с того мгновения, как начали действовать «боевые оковы». Бергвид оставил им свой облик, и оба они думали, что бьются с Бергвидом, видя его на месте друг друга. Хельги чувствовал разом негодование и стыд, что оказался так бессилен против подлой колдовской уловки.

Торвард ухмыльнулся:

– Ну, это да! Больше и сказать нечего. Вот моя мамочка посмеется! Она предлагала научить меня накладывать «боевые оковы», но я не хотел. Это бесчестно, все равно что связанных бить.

– А он, выходит, не считает, что бесчестно, – выговорил Хельги, постепенно приходя в себя.

– Повадки-то рабские! Чего еще ждать, если он в хлеву вырос!

Сверху раздался крик ворона. Хельги и Торвард разом подняли головы.

Над кораблями кружил крупный черный ворон. Он выписывал в сереющем воздухе один правильный круг за другим, будто хотел подать какой-то знак. Хельги следил за ним глазами, пытаясь сообразить, к чему Один прислал сюда свою священную птицу. В уме мелькали какие-то смутные, отрывистые соображения, скорее даже намеки на догадку... Но Хельги был слишком утомлен и растерян после этой нелепой, замороченной битвы, чтобы осознать значение ворона над морем.

– Э, а куда он делся-то? – Торвард вдруг толкнул его локтем. – Потонул, что ли?

Хельги обернулся к нему, потом к морю. Никаких кораблей там не было. В ясный день при довольно спокойном море открывался широкий вид, но «Черный бык» исчез, как будто растворился в волнах.

Глава 2

Думать о дальнейшем продвижении сегодня не приходилось: ветер совсем стих, а людям требовался отдых. Раненых перевязали, убитых сложили на берегу, на возвышении, чтобы завтра со свежими силами похоронить под каменными насыпями. Дружина Рингольда Поплавка обошлась вообще без потерь, Даг хёвдинг потерял человек десять. Он же приобрел полтора десятка пленных, но части Бергвидовых людей со второго корабля удалось уйти, потому что Даг, имея на борту нескольких женщин, в том числе свою дочь, был вынужден действовать осторожнее. Теперь Хельга и обе ее служанки, оправившись от испуга, хлопотали, перевязывали раненых, присматривали за котлами, в которых булькали каша и похлебка из соленой рыбы. Хельга старалась выглядеть спокойной, но улыбка у нее выходила неживая, а в светлых глазах застыл ужас, с которым она никак не могла справиться. Это была первая настоящая битва, которую она видела в жизни. Поглядывая на сестру, Хельги вдруг вспомнил об Альв-каре. Да, нынешние девушки не те, что пятьсот лет назад. Из маленькой Хельги никогда не выйдет валькирии. Правда, в битве женщинам и не место!

На ночлег расположились на опушке леса, приподнятой над морем: натаскали лапника, развели костры. Вереницы крупных валунов делали береговую полосу чем-то похожей на дом из множества причудливых палат без крыши. Впереди над морем висела полная светлю-желтая луна, и вода под ее лучами играла широким блеском. Позади в темноте шумел ельник, и отчетливо раздавалось громкое журчание ручья на каменистом обрыве берега. Сидя вокруг котлов с кашей, квитты, слэтты и фьялли на разные лады обсуждали битву.

– Напрасно кюна Ульврун на нас надеялась! – сам себя укорял Торвард ярл. Он старался говорить шутливо, но сквозь деланную насмешку прорывались непритворные горечь и досада. – Вы, говорила, его вдвоем повстречаете, против вас обоих разом он не устоит! Ха! Ничего себе герои! Плоховатые мы с тобой, Хельги ярл, противники для Ужаса Морского Пути! Кого бы нам еще позвать в товарищи! И позвал бы, да больше некого!

– Не говори так! – остановил его Даг хёвдинг. – Бергвид ведь тоже был не один.

– Ему помогает сам Ньёрд! – прибавила Хельга, с трудом верившая, что эта жуткая встреча кончилась благополучно. – Я знаю, мне рассказывали. Вот эти рога, которые у него на штевне, рога настоящего Ньёрдова быка из его подводных стад. Поэтому для Бергвида всегда дует попутный ветер... Да ему и ветра не надо, морские великанши несут его, куда он захочет.

Хельги вспомнил, как «Черный бык» уходил в море без паруса и весел, как будто исполинские руки из-под воды невидимо несли его. Торвард ярл хмурился, против воли вынужденный признать, что в этих рассказах, так похожих на сплетни, содержится немало правды. Многие посчитали бы себя счастливыми, уйдя живыми от такого противника. Но Торвард ярл был самолюбив: все, что не победа, в его глазах означало поражение, а с поражениями сын Торбранда и Хёрдис мирился до крайности неохотно.

– Нет, но мы втроем! – сокрушался он. – Даг Кремневый, Хельги сын Хеймира, Торвард сын Торбранда! Войска лучше и знатнее и придумать невозможно! И мы втроем уступили какому-то сыну рабыни, конунгу свиного навоза! Ничего себе славная битва! Что я отцу скажу! Да мне домой показаться будет стыдно!

– А еще Бергвиду помогает Дагейда! – продолжала Хельга, пытаясь его утешить. – Она дает ему сил для любой битвы, она научила его плести «боевые оковы». А иначе его бы уже давно кто-нибудь победил! Против него и Хагир Синеглазый бился, и Фримод Серебряная Рука с Квартинга, и Моддан ярл, и еще многие! Без помощи Ньёрда и Дагейды он давно был бы убит!

– Сразу видно раба! – твердил свое Торвард ярл. – Кто вырос в хлеву, тому ничего не стоит воевать чужими руками! Что это еще за Дагейда такая?

Даг и Хельга посмотрели на Торварда и изумленно переглянулись. Им не приходило в голову, что он, сын Хёрдис, может не знать, кто такая Дагейда.

Но раз он этого не знал, случай для рассказа выдался неподходящий. Правда, Торвард и не ждал ответа, думая совсем о другом.

– Не стоит его в этом упрекать! – ответил Хельги. Он тоже не радовался поражению, но не тратил времени на пустую досаду, а пытался понять, почему так вышло. И эти размышления уводили его очень далеко от этой темной каменистой площадки, костров и котлов. – И Бергвид выбрал бы себе другую судьбу, если бы его спросили! Его не спрашивали, где он предпочитает вырасти. Мы с тобой, Торвард ярл, сделали его таким, какой он есть! Наши отцы продали его с матерью в рабство.

– Ни я, ни мой отец, ни твой отец ничего ей не обещали! – поспешно возразил Даг хёвдинг. – Далла сама не захотела вовремя уехать в безопасное место. Ей предлагали – она не захотела.

– Неправда! – одновременно с ним горячо воскликнул Торвард, отвечая Хельги. – Наши отцы не виноваты! Его мать сама продала в рабство и себя, и его! Однако Бергвид в чем-то прав, когда обвиняет нас! Мой отец тогда был союзником квиттов, но не сумел спасти от плена вдову их последнего конунга! А вы, фьялли, продали ее в рабство!

– Никто из наших не знал, кто она! Я сам спрашивал. Никто ее не помнил. Ты знаешь: после Битвы Чудовищ наши захватили усадьбу, там нашли мертвую женщину в платье кюны. Даже золотое обручье было как у нее, даже огниво моей матери! А она знала, что огниво было у Даллы! И все подумали, что это Далла! У нас никто не знал ее в лицо! Эрнольв Одноглазый ее похоронил! – Торвард ткнул локтем Хальмунда, словно приводил сына Эрнольва в подтверждение своих слов. – Кто же знал, что она жива! И кто же была та женщина? Кто ее убил, зачем? Далла сама все и подстроила! Она сама ушла в рабство вместе со всеми простолюдинами, кого там захватили. Если бы мой отец знал, где она, то все было бы иначе!

– Уж не хочешь ли ты сказать, что твой отец растил бы Бергвида вместе с тобой и любил, как Хьяльпрек любил Сигурда? – осведомился Хельги.

– Не знаю! – Такого Торвард не решался утверждать. – Но уж думаю, он не упустил бы ее из виду, чтобы потом двадцать лет ждать, где и как эта семейка всплывет! Нет смысла рассуждать, что мой отец сделал бы! Далла не стала ждать, что он сделает! Она сама решила свою судьбу и сама продала себя в рабство! Это все ее проклятое упрямство! Это она хотела все делать по-своему, хотела сама собой распоряжаться, пусть выйдет и гораздо хуже, чем ей устроили бы другие! Она все сделала сама, и мы тут ни при чем!

– Эта склонность – распоряжаться собой назло здравому смыслу – весьма распространена и у других.

– Ты на меня намекаешь? – Торвард прямо встретил взгляд Хельги. – Может, ты и прав. Но когда я сам распоряжаюсь собой, я потом не валю вину на заморских конунгов! Хочешь сам собой править – так и отвечай за себя сам! Очень просто! А кто не хочет, тот и есть раб, продавали его или не продавали!

– Ой, только не подеритесь! – с беспокойной улыбкой умоляла Хельга и осмелилась даже слегка прикоснуться к плечу Торварда. Спор становился слишком ожесточенным: Бергвид, даже скрывшись из глаз, ссорил своих противников между собой.

– Однако именно вам Бергвид стремится отомстить! – напомнил Даг хёвдинг. – Ему вы едва ли докажете, что не виноваты.

– А я и не собираюсь ему ничего доказывать! Когда-нибудь мы с ним еще встретимся. И я его заставлю сражаться как следует, безо всяких «боевых оков»!

– Как?

– Не знаю!

Все помолчали; шумел ветер в вершинах ельника, а каждый из сидящих возле костра людей вспоминал битву в море, как он ее увидел. Качание кораблей на волнах, звон железа, крик ворона где-то над головами...

– Нам помог Восточный Ворон, – чуть погодя сказал Даг хёвдинг. – Ты не слышал о нем, Торвард ярл? Это дух-покровитель нашего побережья. Он был очень благосклонен к матери Хельги ярла, моей сестре. Видимо, потому-то он и защитил ее сына от «боевых оков». Когда мы будем в Тингвале, нужно будет принести ему благодарственные жертвы.

Дальнейший путь протекал спокойно, если не считать жалоб местных жителей: здесь видели корабли Бергвида, и люди из прибрежных дворов и усадеб были вынуждены спасаться бегством в глубь побережья, угоняя стада и унося самое ценное из имущества. Но все же где-то он порезал скотину, где-то выгреб остатки съестных припасов – и Даг хёвдинг все больше мрачнел, вспоминая неудачное сражение. Если бы не «боевые оковы», то эти «подвиги» Бергвида могли бы стать последними и он, хёвдинг Квиттингского Востока, мог бы больше никогда не бояться разорения своей земли!

Через четыре дня корабли пришли в Тингваль, усадьбу Дага хёвдинга. Здесь тоже предполагалось задержаться, но об этом Хельги, в отличие от нетерпеливого Торварда ярла, вовсе не жалел. Ему нравилась эта усадьба, в которой его предки по матери прожили несколько веков. В Эльвенэсе ему часто попадался на глаза поминальный камень, поставленный на вершине ее кургана, напоминая тем самым, что она давно умерла. А этот дом, эти столбы и стены, эти скамьи и камни очага, эти горы и это море помнили ее живой, и оттого казалось, что и сама она где-то рядом, вот-вот войдет в открытую дверь. Приезжая сюда, он приезжал к ней, и здесь, среди вещей, окружавших ее с рождения и до замужества, ее образ представлялся Хельги гораздо живее и ярче, чем дома.

Когда она умерла, Хельги сравнялось всего семь лет, и он сохранил о матери расплывчатые и обрывочные воспоминания. В его память почему-то с особенной яркостью врезалось одно, хотя ничего выдающегося в нем не было. Он помнил себя, проснувшегося на огромной лежанке в девичьей – лежанка казалась размером с целое поле, потому что сам он был очень мал. Он проснулся и увидел, что вокруг полутьма, а в ней выделяется прямоугольник двери, открытой прямо во двор. Прямоугольник был лиловым, и мальчик понял, что уже вечер. День кончился, пока он спал, и он заплакал от горя, от тоски по безвозвратно ушедшему дню. Он плакал, потому что у него не имелось еще никакого другого средства высказать свои чувства – ему было тогда года полтора, не больше. Время тогда тянулось медленно, каждый день становился сам по себе событием, и вечерняя смерть одного из этих дней становилась непоправимым горем. Наступавшая ночь, за которой ждало новое утро, казалась огромной, непреодолимой, и он плакал от досады, что проспал, упустил даром драгоценный свет дня.

К нему тогда подбежали, подняли, стали утешать. Он помнил лица двух женщин, склонившихся над ним, и эти лица казались такими большими, белыми, как две луны. Это были Хвита, его рабыня-нянька, и мать. Они что-то наперебой говорили ему; маленький мальчик не понимал их слов, но чувствовал, что его утешают, и в самом деле утешился. Ласки этих двух женщин восполнили его утрату. И нынешний, взрослый Хельги отлично помнил свое тогдашнее блаженство, когда мать взяла его на руки. Его тоска по ушедшему дню сразу исчезла: мать сама была солнцем, возле которого не страшна тьма.

В воспоминаниях мать казалась Хельги очень красивой. В его глазах она совсем не менялась, и теперь он помнил ее совсем молодой женщиной, лет двадцати трех. Она умерла в двадцать пять, а ему теперь уже исполнилось двадцать шесть – значит, Хельги стал старше своей матери. В этом было что-то привычно-неестественное, хотелось понять, как это получилось.

И потому Хельги любил родной дом своей матери, что здесь дух ее был близок и в нем постоянно жила надежда: вот-вот ему откроется эта тайна, в которой, по сути, и не содержалось ничего таинственного, но которая не давала ему покоя.

Отдых предполагался довольно долгий, потому что продолжать путь было еще нельзя.

– К Вигмару Лисице не так легко попасть! – говорил Даг хёвдинг. – Он очень не любит незваных гостей. Все подходы к его жилью оплетены заклятиями: если к нему идет тот, кого Вигмар не звал, то гость собьется с дороги, заблудится и будет блуждать очень долго. И если он потом выйдет из леса в том же месте, где вошел, это будет большая удача. Некоторые не выходили вообще.

– Но ты же у него был! – напомнил Хельги. – И Гельд Подкидыш был.

– Да, но он сам присылал за нами кого-то из своих сыновей. А без провожатого туда не стоит и соваться.

– Что же делать?

– Я бы вам предложил вот что. Туда сначала поедет Дагвард. Он уже знает те места, а тамошние тролли знают его. Он скорее доберется до Золотого озера и скажет Вигмару о вас. Если он согласится вас принять, то он пришлет вам провожатого. Тогда вы доедете без труда, здесь дороги-то дня три.

Хельги вопросительно посмотрел на Торварда: тот ответил весьма кислым взглядом.

– Ждать! – разочарованно протянул Торвард. – Да еще предупреждать его, да еще и просить, как бродяги: будьте милостивы, пустите переночевать! – Он так похоже изобразил ноющего бродягу, что Хельга и ее мать, фру Борглинда, рассмеялись. – Ничего себе подвиг! Мы уже отличились... тут недавно.

С воспоминаниями о бесславной битве с Бергвидом Торвард ярл никак не мог примириться, и замыслы Дага не способствовали утешению.

– Зато так вы попадете туда вернее! – заметил Даг. – Я понимаю, что в молодости ждешь неохотно, но изображать дурака, блуждая в трех соснах за Мшистой горой, тебе ведь тоже не очень хочется, да, Торвард ярл?

– Я люблю полагаться на самого себя! А что касается троллей... Как ты думаешь, Хельги ярл, Восточный Ворон не поможет нам в случае чего?

– Трудно сказать, – Хельги пожал плечами. – Восточный Ворон – дух восточного побережья. В Медном лесу свои духи.

Но доводы Дага не убедили Торварда ярла, да и Хельги думал о долгом ожидании безо всякого удовольствия. Когда на другой день Торвард ярл предложил устроить охоту, Хельги с готовностью согласился, не без мысли, что добытое мясо можно будет использовать как дорожный запас для будущего похода. С собой они взяли человек по десять от дружин и кое-кого из местных квиттов в качестве проводников. В сосновом бору нашлось лосиное стадо, и в первый же день они добыли двух животных. Отправив добычу в Тингваль, Хельги и Торвард с дружиной заночевали в лесу, намереваясь завтра поохотиться еще.

Вольно или невольно, они двигались прямо на запад от побережья и с места их ночлега уже отчетливо виднелись горы, ограждающие Медный лес. Предгорья Медного леса, еще не слишком высокие и сплошь лесистые, походили на волны беспредельного моря земли или мохнатые спины чудовищ, затаившихся до поры, но всегда готовых подняться. Весь вечер Торвард ярл, предоставив хирдманам устраиваться и жарить мясо, сидел на пригорке и смотрел на эти горы.

Он казался как-то непривычно задумчив и помахивал прутиком, будто не знал, куда его девать, а выбросить не догадывался.

– Все-таки я думаю, нам не стоит ждать, пока твой прекрасный родич Дагвард проложит нам дорогу к Золотому озеру, – снова начал он. Об этом они с Хельги толковали уже не раз, и Торвард твердо стоял за то, чтобы отправляться как можно быстрее. – Меня дома в Аскефьорде засмеют, если узнают, что я вежливо просил Вигмара Лисицу впустить меня в ворота! Этот Вигмар Лисица, знаешь ли, у нас там широко известен!

– Разве он у вас бывал?

– Нет, он у нас не бывал. Но наши с ним сталкивались. Эрнольв Одноглазый с ним чуть ли не побратался... Ну, это длинная сага, ну, короче, когда двадцать семь лет назад наши в первый раз вышли на Золотое озеро, этот Вигмар со своими троллями у нас человек триста погубил. А потом, через два года, мой отец с ним дважды встречался в битвах – в Медном лесу и на здешнем побережье. И Вигмар ему сказал, что с Медного леса фьялли никогда не получают дани!

– Тебя это задевает?

Хельги покосился на своего товарища: живое открытое лицо Торварда как-то ожесточилось, он даже сделался непохож на себя. Шрам на щеке стал как-то особенно заметен, в темных глазах дрожали глубокие отблески огня. И Хельги вдруг осознал, что его новый товарищ далеко не так прост, как кажется. Это – сын Торбранда конунга и Хёрдис Колдуньи.

– Представь себе, задевает, – негромко ответил Торвард, помолчав, и не отрывал при этом взгляда от пламени костра. – Меня еще не было на свете, когда началась эта война. Меня родила эта война, ты понимаешь? Ты должен понять, потому что и тебя она родила тоже! – Торвард вдруг вскинул глаза, и его напряженный взгляд, как черное копьё, ударил Хельги прямо в сердце. – По этой войне мы с тобой родные братья! Если бы не война, твой отец не сватался бы к дочери здешнего хёвдинга. А мой отец потерял жену и двух старших сыновей, когда квиттингская ведьма наслала на них «гнилую смерть». Он начал войну, чтобы отомстить ей. А через два года эта же самая ведьма стала его женой, заменила ему ту, которой его лишила! Или заняла то место, которое освободила для себя! Так тоже говорят. И я – ее сын, я не родился бы, если бы не эта война. Я сын ведьмы, я это не только от Бергвида слышал. Думаешь, так легко быть сыном ведьмы?

Торвард замолчал и стал смотреть вдаль, где горы Медного леса уже почти слились с темными небесами подступающей ночи. И Хельги вдруг ощутил, что их с Торвардом связывает и еще кое-что, кроме того обстоятельства, что оба они обязаны своим существованием Квиттингской войне. Торвард ярл тоже хотел найти свою мать. Она не умерла, она ждала его дома, но он хотел увидеть ее родину, увидеть те места, которые сделали ее колдуньей, женой великана Свальнира, а потом женой его отца, и понять все то, что она сама не хотела ему рассказать. Его собственные корни остались в земле Медного леса, они звали его властными голосами, и он не мог противиться зову.

– Все ярлы моего отца прославились на Квиттинге, – снова заговорил Торвард чуть погодя. – И он сам, и Эрнольв Одноглазый, и Хродмар Удачливый, и Асвальд Сутулый, и Сёльви и Слагви, и Арне Стрела, и Арнвид Сосновая Игла, и Хьёрлейв Изморозь, и Агильбьарт Молчун, и Фардиульв Уздечка, и Хрейдар Гордый, и Кольбейн Косматый, и... – Он махнул рукой. – До утра можно перечислять. Все они что-то делали здесь: бились, собирали дань, опять бились. У нас в каждом доме показывают что-то из здешней добычи, по всему Фьялленланду, понимаешь? Правда, теперь все меньше. Рабы состарились и поумирали, серебро проели, ткани истаскали... Железо истерлось. У нас ведь свое железо плохое, а земля – одни камни. Что ни год, каждому бонду надо новый лемех. А все железо – здесь! – Он широким взмахом обвел далекие горы, окончательно пропавшие во тьме.

Ночь закрыла ворота, не позволяя двум пришельцам даже бросить взгляд на Медный лес.

– Так тебе нужно железо? – помолчав, спросил Хельги. Торвард удивил его: в этих рассуждениях не было ничего особенного, но он не предполагал, что мысли веселого Торварда простираются на такую ширину.

– А тебе нет? – Торвард насмешливо покосился на него. – Оно нам всем нужно. А есть оно только здесь. И мы взяли что могли, и вы взяли что могли.

Хельги промолчал. Да, им нет смысла лукавить друг с другом. Не ради серых глаз хёвдинговой дочери, о которой он тогда и понятия не имел, Хеймир конунг, тогда еще Хеймир ярл, двадцать семь лет назад собрал войско, привел его сюда и сказал в лицо Торбранду конунгу:

«Дальше ты не пойдешь». Он сделал это ради железа, которого так много на Квиттинге и так мало в других землях. А поскольку его не прибавилось за прошедшие годы, то причина войны не умерла. А значит, и война не умерла, а только затаилась до поры. Стало тревожно: как бы они с Торвардом ярлом ни нравились друг другу сейчас, каждый из них со временем обязан будет позаботиться о благополучии своего племени. А значит, они, плечом к плечу сидящие у этого костра, окажутся врагами. Их нынешняя, едва зародившаяся дружба – как этот костер, крошечный лепесток тепла и света в глубине огромной ночи. И даже то, за чем они идут в Медный лес, – булатная сталь – может сначала сдружить их посредством общей цели, а потом стать причиной жестокого раздора...

– Тебе легче: у тебя тут теперь родня, – продолжал Торвард ярл. – А мою мать, и род и племя прокляли. Мне родня не поможет. Я если что-то и раздобуду, то сам. Правда, у нас уже лет десять поговаривают, что здесь нечего взять. Уже десять лет, как перестали дань собирать, потому что все, что соберут, сами за время похода и съедают. А тут заговорили про эти мечи... Как все-таки по-твоему, – Торвард подался ближе к Хельги, – могут здесь быть булатные мечи?

Хельги пожал плечами, потом неохотно ответил:

– В Медном лесу может быть все, что угодно. Вигмар Лисица знает со всякой нечистью. Не тролли, так темные альвы могли ему рассказать, как ковать булатную сталь. Это может быть.

«А еще он может знать, где искать Альвкар», – подумалось Хельги при этом. Вигмар был последним из людей, кто видел ее.

– И уж это я выясню! – с мрачноватой решимостью пообещал Торвард ярл. – И я буду знать, можно на Квиттинге еще что-то взять или нельзя! Есть у Вигмара Лисицы что-то стоящее или нет – в этом я должен убедиться своими глазами!

– Знатные ярлы ищут дорогу к Вигмару Лисице? – спросил вдруг рядом совершенно незнакомый голос.

Торвард, Хельги и десяток сидящих у этого же костра хирдманов дружно вздрогнули и разом обернулись. В первый миг всем показалось, что этот голос лишь померещился – он был глуховатым, довольно невнятным, как будто шел прямо из-под земли или из ствола дерева.

Между двумя бурыми валунами на краю площадки что-то зашевелилось. Хельги, сидевший к ним лицом, во время беседы не раз смотрел в ту сторону и ясно видел пустое пространство между двумя камнями. Но сейчас между ними поднималась с земли фигурка сидевшего человека.

– Ты кто такой? – одновременно воскликнуло несколько голосов.

Несколько хирдманов вскочили на ноги и шагнули вперед, подхватив с земли близко положенные копы и секиры и обратив их против ночного гостя. Тот застыл на месте, приподняв обе руки ладонями вперед, показывая, что у него нет ни оружия, ни враждебных намерений. Да и, правду сказать, стыдно бояться такого заморыша: ростом ночной гость был не больше подростка, а голова его казалась слишком большой для узких плеч и длинных худых рук.

– Ты откуда взялся? – воскликнул Торвард ярл.

– Я живу здесь неподалеку, – ответил человек, кивая куда-то в темноту.

– Чего тебе надо?

– Огонь ночью далеко видно. Так знатные ярлы ищут дорогу к Вигмару Лисице?

– Поди сюда, – недоуменно хмурясь, велел Торвард ярл. – Ты кто такой?

Человек медленно приблизился и остановился в трех шагах от сидевших ярлов, там, где пламя костра хорошо его освещало. Он оказался уже стариком: лицо у него было огрубелое, морщинистое, коричневое, как камень; голова почти облысела, и только по бокам осталось несколько прядей темных волос. Крупный нос выступал вперед, длинная черная борода прикрывала грудь, большие темные глаза ярко блестели, ловя отблески пламени.

– Как тебя зовут, добрый человек? – осведомился Хельги, вежливо намекая, что для начала надо бы представиться.

– Я – Скаллив сын Кнара, – ответил гость, гордо подняв свою огромную голову.

Хирдманы засмеялись: имена отца и сына оказались как на подбор.⁷

– Должно быть, это очень знатный род!

– И древний!

– И богатый!

– А главное, очень отважный и учтивый!

– Подревнее вашего будет! – с неожиданно злобной надменностью ответил Скаллив, искоса сверкнув на них глазами, и снова выпрямился, задирая бороду. – Прикажи твоим людям уважать меня, Торвард ярл, или у нас не выйдет хорошей беседы.

– Помолчите! – сам смеясь, крикнул Торвард. – По-моему, мы тут услышим много любопытного!

– Так что ты говорил о Вигмаре Лисице? – спросил Хельги.

– Нет, это ты, Хельги ярл, говорил о Вигмаре Лисице! – поправил его Скаллив. – Вы собираетесь к нему?

– Была такая мысль, – Хельги кивнул. – Правда, говорят, что к нему нелегко добраться.

– Это правда! – подтвердил Скаллив. – А скажи-ка мне, Хельги ярл, если вы доберетесь до дома Вигмара Лисицы, что вы будете делать?

– Мы собираемся отнять все его сокровища! – с насмешливой надменностью ответил Торвард ярл. Этот бродяга, смеющийся допрашивать сыновей конунгов, казался ему очень забавным. – И похитить его дочь.

– Это правильно! – Скаллив вдруг захихикал, и все морщины его смуглого лица заходили ходуном, как рябь на воде. – У него много сокровищ! Очень много!

– Больше, чем у Фафнира! – смеясь, подхватил Хальмунд.

– Меньше, чем у Фафнира, но не меньше, чем у иного конунга! Верьте мне, я знаю! У него есть и золотые кубки, и серебряные блюда, и бронзовые светильники, и драгоценные самоцветные камни! А про меха, ткани и прочую дребедень я молчу!

– А булатная сталь?

– Конечно! И булатная сталь! Все это у него есть! И все это будет вашим, если, конечно, у вас хватит смелости с ним сразиться!

– Потихе! – возмутился Торвард ярл. – Уж не сомневаешься ли ты в моей смелости?!

– Нет, нет! – Скаллив замотал головой. – Я не сомневаюсь. Я предлагаю свою помощь. Я могу отвести вас туда.

– В самом деле? – спросил Хельги. – А ведь говорят, что дороги туда закляты?

– Это верно. Но если чары были кем-то наложены, то ведь кто-то может их и снять. Доверьтесь мне, и я отведу вас прямо к воротам Вигмаровой усадьбы.

– Да ну? – недоверчиво отозвался Торвард.

Хельги молча рассматривал странного собеседника.

На этом морщинистом лице, в этой тщедушной, но гибкой и по-своему сильной фигуре лежал какой-то странный отпечаток. Трудно было сказать, в чем тут дело, что отличало Скаллива от прочих людей. Не верилось, что когда-то он был молодым, не имел этой лысины и бороды; весь он как будто застыл со своими морщинами, где навеки въелась копоть, горячими темными глазами, темной бородой, сгорбленной спиной, загрубелыми корявыми ладонями. Он казался существом какойто особой породы, как будто его вырезали из древесного корня, раскрасили углем и глиной и оживили.

– Ты квити? – спросил Хельги.

⁷ Скаллив значит «лысый», а Кнар – «скрипучий».

– Что? – Скаллив глянул на него, как будто не понял вопроса.

– Ты родился на Квиттинге?

– Да. Моя родина – Медный лес, – ответил Скаллив, самодовольно поглаживая бороду, как будто это было невесть какое отличие.

– Да, ничего себе знатность, – пробормотал Торвард ярл.

– А почему же тогда ты хочешь навести нас на Вигмара? Ведь его зовут хёвдингом Медного леса.

– Пусть бы подавился тот, кто его так зовет! – с досадой ответил Скаллив.

Лицо его вдруг ожесточилось и стало отталкивающе неприятным. Длинные поперечные морщины на лбу задрожали, во всем лице появилось какое-то нездоровое, лихорадочное оживание: застарелая ненависть была ключом в этой странной душе и требовала выхода.

– Да ты его не любишь! – заметил Хельги.

– Чтоб ему пропасть вместе со всем его проклятым родом! Он мой враг и враг всего моего рода!

– Что же он тебе сделал? – с любопытством спросил Торвард. Вражда между этим тщедушным существом и Вигмаром Лисицей, прославленным доблестью и силой на весь Морской Путь, выглядела просто смешной.

– Он ограбил мой род! – вскрикнул Скаллив, и его голос вдруг стал пронзительным и резким, так что хирдманы поморщились и даже прикрыли ладонями уши. – Он отнял наши земли и все наши богатства! Все, что есть на Золотом озере, всегда, от создания мира принадлежало нам! И медь, и железо, и олово, и золото, и самоцветы! Он пришел и все забрал! Он хочет вовсе выжить нас с земли, которую боги создали только для нас, и завладеть всеми богатствами!

– А, значит, ты хочешь ему отомстить нашими руками! – сообразил Рингольд Поплавок. – Но тогда ведь ты потребуешь доли в добыче!

– Нет, нет! – Скаллив взял себя в руки и, тяжело дыша, старался успокоиться. – Нет. Мне будет достаточно того, если вы разорите его дом и перебьете его род! Вам достанутся все богатства, что он накопил в своем доме. А мне ничего больше не нужно! Пусть только он уйдет с моей земли! Я полагаюсь на вашу доблесть, знатные ярлы! Ведь Вигмар Лисица – ваш злейший враг! Он бился с твоим отцом, Торвард ярл! И твоему отцу, Хельги ярл, он мешает собирать дань с восточного побережья! Люди убегают с побережья к нему на Золотое озеро, а он никому не платит дани! Люди, которые могли бы работать на вас, работают на него! Он ваш враг! Убейте его! Убейте!

У Хельги кружилась голова и темнело в глазах; блеск огня и тьма вокруг как-то странно смешались в единый неразличимый черно-огненный поток, и этот поток завораживал, морочил, давил на мысли. И эта огненная мгла скрипуче заклинала: «Убейте, убейте!» Вспомнились «боевые оковы» – здесь мерещилось какое-то иное, но тоже неприятное колдовство.

– У меня будет еще одно условие, – добавил Скаллив. – Мы должны будем идти только по ночам.

Хирдманы загудели: и сам-то Скаллив не слишком внушал доверие, а тут еще такое дикое требование!

– Это ты не слишком хорошо придумал! – сказал Торвард ярл. – Ночью же вся нечисть сильнее!

– Ночью сильнее любые чары! И когда мне придется резать сеть, которой тролли Вигмара окружили его дом, сила ночи поможет мне. А не хотите – справляйтесь сами, – обиженно и сварливо добавил Скаллив. – Только вы и до Мшистой горы без меня не дойдете.

Торвард и Хельги посмотрели друг на друга. Оба пребывали в нерешительности: с одной стороны, странности Скаллива внушали веру, что он действительно может преодолевать зача-

рованные дороги, но сам он настолько не нравился обоим, что решиться принять его помощь было трудно.

– Если вы согласны, то я жду вас на этом месте завтра в полночь, – сказал Скаллир. – Думаю, у вас хватит на это смелости, знатные ярлы.

Он повернулся и пошел назад, к тем камням, из-за которых появился. Все смотрели ему вслед, чувствуя странное оцепенение. Никто не сводил к нему глаз, но никто не увидел, куда он делся. Скаллир прошел между двумя камнями и исчез, как будто это были ворота, уводящие в иной, невидимый мир.

* * *

Назавтра перед полуночью оба ярла с дружинами уже ждали возле места вчерашнего ночлега. Обсудив удивительную встречу, Хельги и Торвард решились все-таки принять предложение этого странного создания.

– Мне он тоже не нравится, но нам же к нему не свататься! – говорил Торвард ярл, быстрее, чем Хельги, пришедший к этому решению.

– Как бы он нас не завел куда-нибудь...

– А ты хочешь всю жизнь по широким дорогам ездить? И чтобы в каждой яме по Фафнирову кладу? Так не бывает. За чем-нибудь стогающим надо ездить подальше! А довести он доведет! Что он Вигмара терпеть не может, это сразу видно, это он не врет! Доведет, и ладно. А там видно будет.

Дагу хёвдингу они не стали рассказывать о своем проводнике. Даг не одобрял их решения ехать в Медный лес, но отговаривать не стал.

– Вы оба – взрослые люди, – только и сказал он.

У Торварда ярла было с собой сорок человек, у Хельги – больше восьмидесяти. С таким войском они считали вполне возможным углубиться в дали Медного леса. Смущала необходимость идти по ночам, но, как говорят, бояться волков – быть без грибов.

В ночной темноте, освещая дорогу факелами, они приблизились ко вчерашнему пригорку, и тут же из-за валунов выскользнула знакомая темная фигурка.

– Идите за мной, знатные ярлы, – без приветствия сказал Скаллир и тут же пошел куда-то вперед вдоль лесной опушки.

Торвард и Хельги опять переглянулись, но фигурка Скаллира едва виднелась в темноте, отблески факелов никак не могли ее догнать, и им пришлось поспешить. Обойдя гору, Скаллир нырнул в сосновый бор.

Идти оказалось не слишком трудно: лес нигде не был особенно густым, весенней сырости на каменистой почве с изобилием гранитных выходов совсем не замечалось. Скаллир шел уверенно, ведя дружину из одной долины в другую, с горы на гору, из ущелья в ущелье. То ли он видел в темноте, то ли так хорошо знал все приметы местности, что свет ему не требовался.

Когда темнота ночи стала понемногу уступать место серому утреннему свету, Скаллир остановился и повернулся к Хельги:

– Сегодня мы не пойдем дальше. Оставайтесь здесь до вечера, а вечером я приду.

С этими словами он шагнул в сторону и исчез.

– Э, ты куда? – крикнул Торвард, но Скаллир не откликнулся. Его просто больше не было.

Устраиваясь на отдых, Торвард и Хельги почти не разговаривали. Затея этого похода становилась все более и более сомнительной. Хирдманы у костров негромко бормотали, обсуждая непонятного проводника.

– Нет, куда же он делся-то? – спрашивал Халльмунд. – Ты мне скажи, Торвард ярл, куда он делся? Домой пошел? Он туда за день успеет и обратно? А раз не успеет, то почему с нами не остался?

- Не знаю! У тебя тетка – ясновидящая, ты сам и решай!
- Да нет, я ничего! Раз надо, так пойдем. Как ты скажешь.
- Да уж конечно! Раз пошли, то не возвращаться же теперь!

Тьма рассеялась, стало видно, что дружина остановилась на дне глубокой длинной долины. Ее окружали высокие горы, поросшие еловым лесом. Неподалеку бежал ручей. К полудню отдохнув, многие захотели получше осмотреть местность. Хельги и Торвард отправились тоже. Вокруг них расстился Медный лес, предмет мыслей и мечтаний их обоих. Все вокруг казалось диким и чудесным: толстые стволы елей, гранитные валуны, кусты можжевельника, мхи и лишайники, то темно-зеленые, то сизые, то почти белые. Здесь не ощущалось присутствия человека, скалы и мхи жили своей жизнью, такой же, как тысячу лет назад, когда в этой земле не было людей, и их уверенный, ничем не нарушаемый покой дал им свою собственную, непостижимую душу. Хельги ощущал присутствие вокруг этой души, бессловесной, бессмысленной, может быть, но сильной и живой. В порывах ветра он слышал вздохи могучей груди, в шорохе еловых лап – шепот спящих под землей исполинов. Дух древних великанов до сих пор жил в его высоких горных вершинах, в его старых темных ельниках. Казалось, стбит только приглядеться – и среди коряг увидишь копошение троллей, а на дальнем склоне мелькнет маленькая женская фигурка верхом на огромном сером волке... *«Ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. Она ехала на волке, и змеи были у нее удилами...»*⁸

– Тихо-то как! – с подозрением бормотал Аудольв Медвежонок. – И не пошевелится ничего! Я-то думал, тут великаны и ведьмы на каждом шагу, изготовился вот, – он качнул в руке секиру, – и стою теперь как дурак!

Рингольд Поплавок, с десятком своих людей зашедший дальше всех, прислал к Хельги хирдмана.

– Похоже, ярл, там недавно зарезали кого-то! – заявил он, показывая куда-то в сторону. – Камень весь в крови! Пойдемте, покажу!

Последовав за ним, Торвард, Хельги, Халльмунд и еще кое-кто из любопытных нашли выступ черноватого гранита, шириной в несколько шагов, сплошь усеянный красноватыми точками, похожими на засохшую кровь. Хельги нагнулся и поднял с земли горсть мелкой щебенки. Среди серых и черных виднелось несколько красноватых полупрозрачных камешков – тусклых, неровных, но чем-то смутно знакомых. Хельги повернулся к солнечному свету. Да, его не обманул этот особый темно-красный, чуть розоватый оттенок: на ладони лежали драгоценные камни, называемые гранатами. Только узнать их было нелегко: мелкие, тусклые от бесчисленных трещин кристаллики совсем не напоминали те пламенеющие, как угли, гладкие крупные камни, которыми так любят украшать себя женщины во всех землях.

– Вот это да! – Торвард тоже подобрал несколько красных камешков и подкидывал их на ладони. – Ничего себе! Драгоценные камни валяются под ногами!

Вся скала, в которую упирался «окровавленный» выступ, была усеяна такими же красными «каплями». Красные пятнышки образовались от расколотых пополам, от вытертых ветрами мелких кристалликов. И вся толща горы наполнена этими кристалликами, как выпеченный хлеб пузырьками воздуха. Огромное богатство! Но какое умение нужно, чтобы расколоть гранит, не повредив кристаллы, не превратив их в такую же тусклую, никуда не годную мелочь! Потому-то, верно, и говорят, что добывать драгоценные камни умеют только свартальвы, которым повинуются камни.

Смеясь и удивляясь, хирдманы набрали себе по горсточке мелких гранатов – иначе скажешь, а тебе не поверят! Хельги не стал подбирать бесполезные камешки, но случай этот

⁸ Старшая Эдда.

еще раз убедил его, что в Медном лесу возможно все. Если драгоценные камни валяются под ногами, то, значит, и до горы, где спит зачарованным сном его мечта, уже недалеко...

Мысли об Альвкаре почти не отпускали его и крепили решимость идти вперед, мирясь со странностями подозрительного проводника. Воздух вокруг был пронизан таинственными силами, и казалось, что пристальный взгляд самого неба сосредоточен на каждом здешнем камне. Только обернись – и увидишь горную вершину, окруженную сияющим пламенем, за которым скрыто ложе спящей валькирии. В скалах чернело множество расселин, и Хельги, заглядывая в их таинственную тьму, с замиранием сердца ожидал увидеть в каждой из них отблеск каких-то иных, загадочных миров.

Когда начало темнеть, дружины приготовились идти дальше. В густых сумерках Скаллир опять вынырнул из-за камня и сделал знак следовать за ним.

– Ну, как там у тебя дома? – небрежно спросил Торвард ярл. – Как жена, детишки? Все в порядке? Быстро же ты обернулся!

– Не беспокойся о моих делах, знатный ярл! – сварливо отозвался Скаллир. – Я обещал довести вас до дома Вигмара Лисицы и доведу, а все прочее вас не касается!

– Ничего себе вежливость! – хмыкнул Торвард.

Но больше они ни о чем не спрашивали. Относить их проводника к обыкновенным людям не приходилось, но раз уж они решили ему довериться, то теперь им оставалось только следовать за ним.

И снова они шли всю ночь. Теперь светила луна, можно было разглядеть и горы вокруг, и блеск реки, вдоль которой лежал их путь. Однажды дружина прошла мимо каменной стены, которыми разгораживают поле и пастбище, а потом на склоне горы разглядели и крыши спящей усадьбы. От этого на душе становилось легче: значит, здесь есть живые люди. Если это люди, конечно.

Под утро Скаллир снова исчез. День прошел так же, как вчерашний: в отдыхе и осмотре ближайшей местности. Но, в отличие от вчерашней, эта местность оказалась более обжитой и богатой: прямо с луговины, на которой они остановились, с рассветом стали видны признаки близкого жилья. Внизу расстилались два обширных поля, отделенные от пастбища на склоне каменными оградами, чтобы скот не забредал в посевы. На полях обильно зеленели всходы ржи и ячменя; пройдя дальше, слэтты нашли посевы конопли и даже льна. На иных полях торчали колючие листики репы с округлыми верхушками, на других горох был посеян вместе с овсом и уже цеплялся мягкими коготками усиков за овсяные стебли, твердо намереваясь лезть как можно выше и со временем добраться до самого неба. Все обещало к осени неплохой урожай. На луговинах виднелись свежие коровьи лепешки, непреложно указывая, что местные жители богаты скотом.

За горой нашелся и дворик – несколько построек внутри общей бревенчатой стены. Хельги велел зайти туда, но двор оказался пуст: ни людей, ни скота. Зато имелись следы поспешного бегства: утварь, одежда, разные вещи были разбросаны, на рогульках прялок висели клоки шерсти, а под скамьей валялись полунамотанные веретена. Угли в очаге еще слегка дымились. И на влажных участках с более мягкой землей отпечатались следы человеческих ног, коровьих, овечьих, конских, козьих копыт, полозьев волокуш. Все они уводили на северо-запад.

От первого дворика натоптанные тропы расходились в разные стороны и вели к другому жилью. У реки там и здесь лежали рыбацьи лодки, сушились сети, стояли, широко расставив длинные деревянные ноги, сушилki для рыбы, сколоченные из жердей. Кое-где сети были брошены мокрыми кучами, кое-где в корзинах еще шевелилась выловленная, но не выпотрошенная рыба. Все указывало на то, что жители бежали в страхе, бросив все повседневные дела. Но шарить в брошенных домах Хельги не велел: ведь не ради жалкого имущества бондов и рыбаков они сюда явились! Два ярла надеялись на добычу получше.

Вечером второго дня Скаллив предупредил, что до усадьбы Вигмара Лисицы осталось меньше перехода, а значит, они будут там еще до утра. Но двигались в эту ночь медленнее прежнего, и виноват в этом был сам Скаллив. Путь пролегал по открытой местности, по твердой каменистой земле долин, но проводник шел медленно, с трудом переставляя ноги, и глядел в землю перед собой. Шагавшие позади него слышали, что он то бранится, то бормочет что-то непонятное, и от звуков его голоса мужчин пробирал мороз: никто не сомневался, что старик плетет заклинания. Скаллив не глядел на людей, не оборачивался, весь погрузившись в свою ворожбу; временами он наклонялся, касался руками земли, прижимал к ней ладони, некоторое время стоял неподвижно, и дружина терпеливо дожидалась, пока он разогнется. В первый раз, когда такое случилось, несколько нетерпеливых хирдманов попробовали было обогнать его – но чудо! – ничего у них не получилось. Делая шаг за шагом, люди оставались на месте. Это оказалось уже слишком; недоумение на лицах сменялось ужасом.

– Я кому сказал – стоять и ждать! – взвизгнул Скаллив, на миг подняв лицо, и в свете факелов его глаза, налитые кровью и красные, как угли, сверкнули так дико и яростно, что люди с криками ужаса отшатнулись от него прочь. – Стоять и ждать! Без меня никто не пройдет вперед, разве не ясно? Тут заклятья троллей гуще всего, потому что уже близко! Они оплели каждый куст, они висят, как сеть, а вы бьетесь в этой сети, как глупые птицы! Хуже глупых птиц, потому что вас предупреждали! Не лезть никому вперед, пока я не пройду!

Немыслимо, чтобы какой-то старик так орал на хирдманов Хельги ярла, но никто не возмущался. Пятясь, не смея повернуться спиной к загадочным троллиным сетям, нетерпеливые вернулись к строю, а Скаллив снова принялся бормотать, глядя в землю. Временами его голос превращался в жалобное постыкивание, временами прорывался дикий визг, и он прыгал на месте, делая руками такие движения, будто дергает и рвет что-то. Дружина смотрела в молчании, и у всех по спине ползли волной холодные мурашки, волосы надо лбом шевелились. Рядом с людьми разворачивалась какая-то таинственная, скрытая колдовская битва, еще более жуткая оттого, что противники Скаллива не были видны. Но было видно, каких усилий ему стоит эта борьба: он весь побледнел, кожа его приняла какой-то сероватый оттенок, черты высохли и огрубели еще сильнее, так что теперь его лицо казалось вырезанным из камня. Глаза его то вспыхивали, как красные раскаленные угли, то совсем гасли и тускнели. Он шел все медленнее, ноги его заплетались, руки болтались, как палки, он спотыкался, то и дело хватался то за куст, то за высокий камень, приваливался к выступам скал, стараясь собраться с силами.

Но все же дружина продвигалась вперед. Медленно начало светать, верхушки деревьев сливались в сплошную черную стену с неровным, качающимся верхом. На сером небе стали заметны вершины трех гор. Между этими горами лежало Золотое озеро, а значит, жилище Вигмара Лисицы было где-то неподалеку.

– Теперь уже близко... – бормотал Скаллив, и вид у него был такой, точно близка его собственная смерть: он едва стоял, но поддержать себя никому не позволил и только велел выломать ему толстую еловую палку для опоры. – Теперь я уже вижу его дом... Будь посветлее, и вы бы его увидели. Вы не видите в темноте... Мой вам совет – будьте смелее. Будьте дерзки... Не разговаривайте с ним, а сразу нападайте! Разбивайте ворота, врываются в дом! Жгите дом, ломайте! Убивайте всех, кто только покажется на глаза! Не разговаривайте с ним... – отрывисто и с непонятной горячностью хрипел он. – Вигмар – большой колдун. Если вы будете с ним говорить, он погубит вас. Он заморочит вас, и вам будет все казаться другим... Все будет казаться не так, как на самом деле, и сам он покажется совсем другим человеком... Убейте его. И тогда победа будет за мной...

– Ладно, нечего нас учить! – оборвал его Торвард. – Сами разберемся! Ничего себе воспитатель нашелся!

За время этого странного ночного путешествия Торвард ярл проникался к Скалливу все большим недоверием и неприязнью и теперь мечтал от него избавиться. Вблизи морщинистого

старика с коричневым лицом у него портилось настроение, нападала неприятная вялость и тоска. Очевидно было, что силы для борьбы со здешней ворожкой старик выкачивает из них, из людей, которых ведет за собой. Хельги тоже был невесел: его мучили сомнения. С одной стороны, хотелось послать к троллям старого колдуна с его советами и делать так, как подсказывает собственный опыт, совесть и честь. Но Хельги уже убедился, что в делах Медного леса Скаллир понимает побольше их с Торвардом.

Тьма рассеивалась, небо светлело, черные очерки кустов и деревьев делались хорошо видны. Хельги напряженно всматривался вперед, ожидая увидеть усадьбу. И вдруг впереди, шагах в десяти, по глазам ударила ярчайшая вспышка света. Хельги, Торвард, люди возле них вскрикнули и отшатнулись, заслоняя рукой глаза.

– Ах, мерзавец, трупный червяк, земляная тварь! – завопил впереди резкий, пронзительный, дикий, совершенно нечеловеческий голос. – Наконец-то я до тебя добралась! Ты у меня узнаешь, как портить чужую работу!

Поспешно хватаясь за оружие и жмурясь от яркого блеска, Хельги глянул вперед. Над тропой между деревьями горели две ослепительные золотые молнии; они висели примерно на высоте человеческого роста, но были повернуты вверх острием. Их яркий свет озарял тропу, деревья вокруг и крупного оленя, над самой головой которого они висели. И Хельги сообразил, что эти молнии – рога этого оленя, только золотые и горящие ослепительным блеском. Но не олень же это кричал?

– Я доберусь до тебя! – верещал дикий голос, от которого каждая жилка в теле дрожала и колени слабели. – Я доберусь! Поганка подземная! Ты у меня будешь рвать заклатья, что я плела с моими детьми целую зиму! Я тебе покажу, червяк!

На спине оленя виднелось, как показалось в первый миг, что-то вроде копны сена – ей-то и принадлежал этот визгливый голос. Еще у копны имелись ручки, ножки и головка; в одной из ручек она сжимала какое-то оружие вроде топора и весьма воинственно им размахивала. Хельги и мужчины вокруг него схватились за копья, но олень, не замечая их, устремился прямо к Скаллиру.

– Я тебе покажу! – вопила «копна сена». – Мерзавец! Падаль ходячая! Чтоб тебя солнцем пожгло!

При виде оленя и его странной всадницы Скаллир вскинул свою еловую палку, собираясь защищаться, его глаза сверкнули красным.

– Чтоб ты лопнула вместе со всем твоим поганим родом! – крикнул он и взмахнул палкой.

Всадница налетела на него и с силой ударила топором по его палке; палка с треском сломалась, Скаллир упал на землю, а всадница, низко свешиваясь со спины оленя, старалась ударить его по голове, одновременно побуждая оленя топтать врага.

– Растопчу! Гад! Мерзавец! – визжала она, и люди, не в силах это все вынести, закрывали уши руками и жмурили глаза. – Чтоб тебе тьмы не видать! Вот тебе!

Битва разыгрывалась прямо на тропе, в нескольких шагах от людей. Золотые рога оленя ярко освещали все вокруг, было видно как днем: теперь Хельги разглядел, что «копна сена» – это старуха небольшого роста, толстая до безобразия. Одеждой ей служили потертые звериные шкуры, из-под платка свешивались седые неряшливые космы, а огромные уши с заостренными верхними концами плотно прилегали к голове. В ярости битвы ее глаза сузились в щелочки, а в огромном, неистово вопящем рту торчали длинные острые клыки. Словом, «ему встретилась женщина-тролль». Но Хельги был так потрясен всем происходящим, что оцепенел и только сжимал копьё мертвой хваткой. Пытаться защитить своего проводника даже в голову не приходило: в драке нечисти людям делать нечего.

А в том, что это нечисть, сомнений не оставалось. Скаллир отчаянно пытался отползти или подняться; вот он было встал, бросил бесполезный обломок палки и выхватил из-за пояса нож, но старуха ловко ударила его по руке и заставила выронить оружие. Тогда Скаллир ухватил троллиху за ее рваный подол и пытался стащить с оленя, несмотря на град ударов, которым она его осыпала. Оружием ей служил молот из грубо обточенного куска кремня, привязанного крестнакрест ремнями к крепкой деревянной рукояти. И каждый раз, когда это дикое оружие обрушивалось на голову Скаллира, раздавался гулкий удар, как будто камнем били о камень. Ни одна человеческая голова не выдержала бы подобного.

– Бей его! Топчи! Топчи! – вопила троллиха.

Скаллир уворачивался как мог, но все же олень изловчился: толчком золотого копыта опрокинул его наземь и тут же ударил по голове. Блеснула вспышка белого света, и шум битвы стих. Тяжело дыша, троллиха карабкалась опять на спину оленя, с которого почти сползла в пылу борьбы, а у ног оленя лежал бурый камень, вытянутый, ростом со Скаллира... Деревья тревожно шептались, будто обсуждали произошедшую на их глазах потасовку.

– Вот так! – удовлетворенно заявила троллиха, победоносно глянув в сторону замерших людей. – Ну, что? Испугались небось! Тоже окаменели! Будете знать! И не будете лазить куда не просят!

– Кто ты? – хрипло спросил Торвард ярл, глядя то на нее, то на камень. – Что с ним?

– Я – Блоса! – гордо заявила старуха, и это имя вовсе не показалось смешным.⁹ – Я с детьми плела заклатья, что скрыли дороги, а этот земляной мерзавец их порвал и поломал!

⁹ Блоса значит «пузырь».

Будет знать! Больше-то ему не пакостить! Будет лежать тут камнем, пока стоит мир! А вы зачем сюда идете?

– Хотим повидать Вигмара Лисицу, – ответил Хельги.

– Что-то я не помню, чтобы он вас звал! – заявила троллиха. – Ну, идите, поищите его. Только мне не верится, что без этого каменного крысака вы его найдете!

Она захихикала, ударила коленками оленьи бока и хотела ехать прочь.

– Постой! – крикнул ей вслед Хельги. – А кто это был?

– Кто? – Блоса обернулась. – Конечно, дверг! А вы и не знали? Хи-хи!

Она разинула рот и заревела какую-то дикую протяжную песню без слов; было ясно и так, что это песня победы. Троллиха уехала в лес, сияние золоторогого оленя скрылось среди деревьев, отзвуки песни пропали вдаль, а люди все еще стояли на тропе перед лежащим камнем, в который превратился их проводник. Торвард ярл тихо ругался – даже он не находил, что еще здесь сказать.

* * *

Без Скаллира Торвард и Хельги не знали, где искать Вигмара Лисицу, зато он все о них знал. Еще в полдень, когда они отдыхали перед последним переходом и осматривали брошенные жилища, один из Вигмаровых сыновей, семнадцатилетний Ульвиг, прискакал с дальнего пастбища с невероятным и тревожным известием: в округе Железного Кольца появилось целое войско!

– Войско? – Услышав об этом, Вигмар изумленно поднял брови. – Что ты говоришь! Откуда тут возьмется войско? Я никого не жду в гости! Тебе померещилось!

Ему не пришло в голову, что парень шутит: таких шуток с отцом никто из его многочисленных сыновей себе бы не позволил, и Ульвиг никогда не решился бы бросить стадо на попечение одних рабов без достаточной причины, да и живостью воображения его седьмой сын никогда не отличался.

– А без приглашения никакое войско сюда не подойдет! – с подчеркнуто уверенной небрежностью подхватил Вальгейр, бывший на год моложе Ульвига и гордившийся могуществом своего рода со всей пылкостью подростка. – Зря, что ли, мы кормим такую ораву троллей! Тебе солнцем голову напекло!

– Ты что-то напутал, Ягненок! – с ласковой снисходительностью сказала Альдона, двадцатилетняя дочь Вигмара. Подойдя, она дружески потрепала взволнованного вестника по плечу, так как до его светлых, мелко выющихся кудряшек, благодаря которым Ульвига прозвали Ягненком, она уже несколько лет не дотягивалась. – Вытри лучше лоб, а то ты весь мокрый!

Альдона, единственная из одиннадцати детей Вигмара, унаследовала его рыжие волосы, только у нее они были светлее, более мягкого оттенка, не темно-медного, как у отца, а скорее цвета густого меда, более темные на затылке и светлее, почти янтарные на концах. Черты лица у нее были правильные, простые и ясные; нельзя сказать, чтобы она сияла красотой, но на лице ее отражались ум и добродушие, придававшие Альдоне дружелюбный и привлекательный вид. Ее серые глаза смотрели доброжелательно и немного насмешливо, губы всегда готовы были сложиться в снисходительную улыбку, словно бы говорившую: «Ну, вы посмотрите на него!» Имея легкий, уравновешенный нрав, она умела ладить с людьми, не поступаясь своим мнением, и была, наравне со старшими братьями Хроаром и Эгилем, одной из тех, на кого Вигмар всегда мог положиться. После смерти матери Альдона заняла место хозяйки в доме и отлично справлялась со всеми делами.

Сейчас она пришла прямо с кухни, еще держа в руках полотенце, и то улыбалась, то принимала серьезный вид, переводя взгляд с одного брата на другого и пытаясь понять, не шутка ли этот внезапный переполох.

– Это было овечье стадо! – смеялся четвертый по счету брат, двадцатитрехлетний Хлодвиг – высокий, красивый парень, самоуверенный и насмешливый. – Ты немножко обознался со страху, мальчик!

– Сам поди погляди, дуб долговязый, если не веришь! – огрызнулся Ульвиг. – Сам ты овечье стадо! Что, я овец от людей не отличу?

– Войско – это сколько? – уточнил Вигмар.

– Да сотни полторы! Я не стал считать, это потом! Я хотел сказать скорее! Я тоже сначала не поверил! Сначала на пастбище прибежали люди, я их не знаю, как зовут, ну, у них двор где-то возле Медвежьей горы. Они сказали, войско идет, чужое, я им тоже не поверил! А потом сам смотрю – настоящее войско, и я никого из них не знаю! – Всем видом, от прилипших к взмокнутому лбу светлых кудряшек до забрызганных грязью грубых пастушеских башмаков, Ульвиг умолял ему поверить, и вся его душа просилась наружу из светло-серых, почти прозрачных глаз. – А еще я видел Блосу, она была злая, как драконша! Кричала, что какой-то трупный червяк разрушил все ее заветы и она его поймает и всю бороду выдергает... и еще кое-что обещала... Топором своим махала, навстречу туда поехала. Правда, отец! Целое войско, и это вовсе не овцы! А вдруг это враги?

– Врагов у нас хватает, что и говорить! – согласился двадцатидвухлетний Дьярв, подавляя вздох. Вопреки своему имени, это был довольно спокойный и рассудительный парень.¹⁰

Вигмар Лисица огляделся. За это время в гридницу успело набиться чуть ли все население усадьбы: родичи, хирдманы, кухонная челядь, женщины, дети, случайные гости. Не хватало разве что пастухов и работников, занятых на пастбищах и полях. Со всех сторон – от скамей, от дверей кухни и девичьей – на хозяина смотрели десятки вопрошающих, любопытных глаз. Любопытства они выражали гораздо больше, чем тревоги: усадьба Каменный Кабан верила в Вигмара Лисицу, как в самого Одина. Не слишком высокий, но хорошо сложенный, он в пятьдесят два года был крепок и силен; свои длинные рыжие волосы он по-прежнему заплетал в пятнадцать кос, в темно-рыжей бороде две белые полосы седины окружали рот, а желтые глаза смотрели пронзительно и твердо. Кто, как не он, уже двадцать лет держал под своей властью округу на восемь дней пути и по праву считался одним из самых могущественных людей нынешнего, разоренного долгой войной Квиттинга? Кто, как не он, водил дружбу с людьми и троллями, охраняя покой своей земли силой острой стали и колдовского заветы? Кого округа Ярнеринг на местном тинге избрала своим бессменным хёвдингом? Все это был он, Вигмар сын Хроара, прозвищу Лисица, и не то что войско, а и один-единственный человек за последние двадцать пять лет еще ни разу не подошел к его владениям без его ведома и согласия.

Хёвдинг Железного Кольца за свою бурную жизнь успел нажить довольно много врагов и не меньше завистников, что, может быть, еще хуже. Заклинания троллей надежно охраняли спокойствие его владений: никто, кто вздумал бы наведаться к нему в гости без приглашения, не нашел бы дороги. Тролли спрятали все тропинки, ведущие к Золотому озеру, над которым стояла усадьба Каменный Кабан; любой незваный гость будет блуждать по сплошному лесу, пока его не найдут и не спросят, что ему нужно. Надежность троллиных трудов выдержала за двадцать пять лет не одно испытание, и усадьба жила в совершенном покое, охраняемая от внешних тревог лесными чарами, а от внутренних – железной рукой хозяина. И вдруг целое войско! Невероятно! Однако, как говорил еще древний Сигурд Убийца Дракона, на всякого сильного сыщется сильнейший. Нельзя отрицать, что среди людей и нелюдей найдутся умельцы разрушить троллиные чары.

– Это может быть морок! – сказала Альдона. – Не обижайся, Ягненок! Ты же знаешь наших троллей!

¹⁰ Имя Дьярв означает «дерзкий, отважный».

На них не всегда можно положиться, иной раз они такую выкинут шуточку, что во сне не увидишь! Может быть, они тебя заморочили!

– Видят: идет глупый мальчик... – подхватил Хлодвиг.

– Поумнее тебя буду! – опять разозлился оттаявший было Ульвиг. – Я проверил!

– Как это?

– А так? Я обернулся и посмотрел на них между ног!

– Это как? – не отставал недоумевающий Хлодвиг, намеренно не замечая укоризненного взгляда добросердечного Эгиля.

– А вот... – Ульвиг уже хотел было показать, но понял, в какое дурацкое положение себя ставит, и даже покраснел от злобной досады. – Дурак долговязый!

Все вокруг засмеялись; Хлодвиг выбросил руку дать подзатыльник дерзкому мальчишке, но Альдона опередила его и хлестнула красавца посудным полотенцем. Оскорбленный Хлодвиг рванул полотенце из рук сестры, но Эгиль ловко завернул насмешнику руки за спину. А силой широкоплечий, рослый Эгиль превосходил всех братьев, и Хлодвиг только для порядка дернулся пару раз, поняв, с кем имеет дело.

– Целое войско! – повторил Вигмар. – Мне в это слабо верится, но на свете нет ничего такого, чего не может быть! Поезжайте! – Он обернулся и окинул взглядом сыновей. – Скачите по округе. Чтобы Гейр и Тьодольв были готовы. И в Гранитный Лоб тоже.

– Ты только не бойся! – Лейкнир, сын прежнего воспитателя Альдоны, крепко сжал ее руку. – Все будет хорошо. Даже если все тут сгорит, с тобой все будет в порядке! – горячо заверял он Альдону, а она смотрела на него со снисходительной усмешкой, словно эти решительные речи перед ней произносил ребенок.

А на ребенка двадцатипятилетний Лейкнир сын Асольва, рослый и сильный, совсем не походил, и Вигмар Лисица, очень придиричиво отбиравший людей, вовсе не стыдился иметь его в числе своих хирдманов. Руки и ноги у него были длинные и сильные, лицо округлое, с небольшим прямым носом и пушистыми бровями золотистого цвета. Длинные, плохо чесанные и кое-как собранные волосы объясняли его прозвище – Грива. Расчесываться сам он не любил, считая это дело для мужчины пустой тратой времени, и хотя среди служанок Каменного Кабана нашлось бы немало охотниц оказать ему эту услугу, он соглашался доверить свою голову только Альдоне. А у нее, занятой хозяйством большой усадьбы, до этого дела слишком редко доходили руки.

– Причеши свою гриву, – насмешливо посоветовала она, как всегда, если считала, что он говорит не то.

– Ты мне не веришь? – Лейкнир вызывающе нахмурил свои пушистые брови.

По своему складу Лейкнир был честным, решительным, прямодушным и очень преданным человеком. Он никогда не выдумывал лишних сложностей, смотрел на все вещи и явления просто; никто лучше него не умел радоваться жизни в веселый час, и никто не сумел бы так же бестрепетно пойти на смерть ради близких.

– Не слишком ли много ты на себя берешь, Лейкнир сын Асольва? – насмешливо отозвалась Альдона. Лейкнир, как всегда, слишком разошелся, его требовалось немного укротить. – У меня хватает защитников.

– Это неважно! – Лейкнир отмахнулся. Он знал, что никто на свете не любит Альдону так сильно, как он, и никому не хотел уступить права ее защищать. – А ты во мне сомневаешься? Или ты мало меня знаешь?

– Я-то? – Альдона рассмеялась. Несмотря на ее тревогу, это заявление не могло ее не расшевелить. – Ты сегодня остроумен как никогда! Да есть ли хоть кто-нибудь, кого я знаю лучше тебя? Даже с родными братьями я в жизни виделась меньше. Когда я жила у вас в Кремнистом Склоне, я их не видела, а с тобой проводила бок о бок каждый день. Когда я вернулась сюда, ты отсюда не вылезаешь, как будто я сама теперь взяла тебя на воспитание. Я знаю тебя лучше,

чем твоя мать; я знаю, сколько полотна тебе надо на рубашки, и как у тебя уши краснеют, когда ты злишься, и о чем ты мечтаешь, и какой хлеб любишь, и с каким оружием лучше управляешься, и сколько врагов ты убил в том конхобарском походе, и сколько чего оттуда привез, и что тебе приснилось в прошлый йоль, и сколько пива вы с Брандом Бессонницей тогда выпили на спор, и на каком боку ты спишь, и все твои поговорки, и привычку завязывать ремни на сапогах в два узла, и что сказал твой собственный воспитатель, когда ты в пятилетнем возрасте впервые попал стрелой в дерево. Я все про тебя знаю. И меня ты можешь не уверять в твоей доблести. Меня ты, мой доблестный дуб кровли леса головы,¹¹ ничем не можешь удивить.

– Ты сомневаешься во мне? – повторил Лейкнир. Все ею сказанное было правдой: она действительно знала о нем все, помнила даже то, чего он сам не помнил. И ему казалось особенно обидным, что при таком знании она все же отвергает его защиту. – Тогда ты знаешь: для тебя я сделаю все, я жизнь отдам... Я на руках могу держать горящую крышу дома, пока ты не выйдешь на воздух! – Лейкнир высоко взмахнул длинными сильными руками, и, хотя кровли все же не достал, впечатление было внушительное. – Разве ты сомневаешься?

– Разве я сомневаюсь? – Альдона устало усмехнулась.

Она хотела казаться невозмутимой, добродушнонисходительной, как всегда, но в глазах ее таилась тревога, и скрыть ее от Лейкнира она даже не пыталась. Сам совершенно не умея хитрить, Лейкнир каким-то чудом угадывал не только ее настроение, но даже ее мысли и многое из того, что с ней случалось в его отсутствие. Альдона иногда смеялась с другими женщинами над этой его способностью, говоря, что из него вышел бы ужасный муж – как можно жить с человеком, который знает, кому ты улыбнулась, пока он был на пастбище! Но, как сын бывшего воспитателя и хирдман отца, Лейкнир не имел никакого права ее упрекать, и Альдона привыкла доверять ему, зная, что всегда может на него опереться. Но сейчас его пылкая самотверженность ее не утешала, потому что судьба усадьбы и всей округи Ярнеринг беспокоила ее не меньше, чем своя собственная.

– Я в тебе не сомневаюсь! Просто сейчас мне немножко не до того, – пояснила она, приветливо потрепала Лейкнира по руке выше локтя, и его лицо сразу прояснилось. – Я не сомневаюсь в тебе, и незачем сотрясать воздух боевыми песнями. Жаль, что ты не ясновидящий: мне бы очень хотелось знать, что за войско к нам идет. Если это не морок.

– Да уж! – Лейкнир сокрушенно развел руками. – Была бы тут Эйра! Я не виноват, что в нашем роду ясновидение достается только женщинам!

– И благодари судьбу! – наставительно сказала Альдона и улыбнулась, представив Лейкнира, с закрытыми глазами и отрешенно-вдохновенным лицом ловящего видения будущего. – Сам Один говорил: тому легче живется, кто не слишком много знает! Ну, ладно, хватит болтать! Пока крыша еще не горит, ты, наверное, найдешь себе занятие в оружейной.

Сыновья Вигмара и кое-кто из хирдманов тем временем оседлали лошадей и разъехались по округе, чтобы предупредить жителей об опасности. Всего в доме Вигмара Лисицы выросло двенадцать детей: девять его сыновей, одна дочь, а еще племянник и племянница, Эльгард и Эльгерда, близнецы, дети его сестры Эльдис. Вигмар сам дал двоим последним имена, поскольку отец их так и остался неизвестен. Эльдис, всю жизнь почитавшая брата, здесь проявила упрямство и отказалась назвать виновника. Ради чести рода распустили слух, что отцом детей был бог Тюр. Вигмар вырастил близнецов наравне со своими детьми и, выдавая Эльгерду замуж, дал ей хорошее приданое, хотя, конечно, не то, что предполагалось для Альдоны.

Из всех его детей родились от законной его жены Рагны-Гейды и считались полноправными наследниками только четверо: Хроар, Хлодвиг, Альдона и Вальгейр. Остальных произвели на свет по большей части молодые вдовы собственных Вигмаровых хирдманов: особенно в первые годы своей жизни на Золотом озере ему нередко приходилось водить дружину в битвы,

¹¹ Лес головы – волосы, кровля волос – шлем, дуб шлема – кеннинг мужчины, воина.

из которых возвращались не все. Выйти замуж снова молодым женщинам было трудно: в поколении Вигмара и моложе длительная война поглощала мужчин, оставляя женщин, как рыб на песке.

Из общего ряда выпадали только двое: Бьёрн, сын хорошенькой дочки бонда, родившийся между Эгилем и Хлодвигом, и Арне, самый младший, которому сравнялось всего одиннадцать лет. Мать Арне, знатная женщина, вдова по имени Альверид, жила на восточном побережье. Вигмар всегда останавливался в ее усадьбе, когда ездил на побережье по торговым делам. Кроме Арне, у нее еще имелась тринадцатилетняя дочка, но девочку Вигмар по справедливости оставил на воспитание матери.

Рагна-Гейда терпимо относилась к стремлению мужа всемерно умножать свой род, тем более что ее собственный отец был такой же, и никогда не обижала пасынков. Вигмар обращался со всеми сыновьями одинаково, не выделяя троих законных из прочих. Различия проявятся позже, когда Вигмар, распределяя наследство, должен будет разделить его на три части – Хроару, Хлодвигу и Вальгейру. А прочим придется или служить в дружине законных братьев, или искать счастья в других местах. Пока же Вигмару вполне удавалось не допустить со стороны одних зазнайства, а со стороны других зависти и злобы. И если Хлодвиг порой высмеивал неуклюжесть Ульвига или медлительность Дьярва, то лишь наравне с мечтательной задумчивостью Вальгейра или хозяйственной приземленностью Хроара.

Двое старших сыновей, Хроар и Эгиль, уже были женаты и жили вместе с женами в отцовской усадьбе. Хроар взял в жены единственную дочь одного из соседей, Ормульва Точилю, довольно богатого и знатного человека. Хроар и Торхильда были ровесниками и представляли собой редкостную пару. Нечасто бывает, чтобы муж и жена имели так много общего. Одного роста, чуть выше среднего, оба они имели светлые волосы, серо-голубые глаза, румянец во всю щеку и правильные черты лица, хотя женщины держались мнения, что Хроар как мужчина красивее, чем Торхильда как женщина. Нравом они тоже совпадали: оба были здоровыми, уравновешенными, неглупыми, но при этом довольно нелюбознательными. Их занимало только то, что их непосредственно касалось. Песни, саги, дальние страны и прежние времена для них как бы не существовали. Даже если рядом и случалось что-то выдающееся, они не принимали этого близко к сердцу, точно зная, что все необычное – случайно и быстро пройдет. Вигмар относился к своему первенцу двойственно: он его уважал и немного пренебрегал им, хотя это сочетание и выглядит странным. Вигмар уважал старшего сына за то, что тот никогда не наделает глупостей, не ввяжется в неприятности, всегда сумеет обеспечить достойную жизнь себе и семье. Но больше ничего от него ждать не приходилось. Он не из тех, кто может прославить род.

Жена Эгиля, Ингилетта, тоже родилась в ближайшей округе и приходилась дочерью Тьодольву из Золотого Ручья, но на этом всякое сходство двух пар кончалось. Ингилетте сейчас было всего шестнадцать лет (шестнадцать с половиной, как она сама говорила). Она вышла замуж только прошедшей зимой, всего три месяца назад, но была влюблена в Эгиля с самого детства. Еще в семилетнем возрасте она утверждала, что выйдет за него замуж, и требовала, чтобы он не смел ни на ком жениться, пока она не вырастет! Эгилю тогда уже исполнилось шестнадцать, и он казался Ингилетте совсем большим. Эгилю с внешностью не повезло: лицо у него было честное, открытое и простое, а на лбу багровело родимое пятно размером с половину ладони, заезжавшее нижним краем на правую бровь. Но Ингилетта не искала красоты, и в этом, при всей ее наивности, поступала весьма мудро. Эгиль был очень хороший человек: добрый, справедливый, спокойный и скромный, в нем чувствовались тепло и надежность, и девочка ходила за ним хвостом, считая его самым умным, самым лучшим человеком на свете. Шестнадцатилетний Эгиль казался ей образцом мужского совершенства, и на его братьев, более красивых и более близких к ней по возрасту, она не обращала никакого внимания. Эгиль еще тогда вытерпел неимоверное количество Хлодвиговых насмешек по поводу «невесты», кото-

рой неплохо бы вытереть нос. И то, что он это терпел, не держа обиды на Ингилетту, уже доказывает несравненное благородство его души!

Подрастая, Ингилетта превращалась в хорошенькую, ясноглазую и румяную девушку и уже не давала повода к насмешкам из-за мокрого носа, но ее решимость ничуть не ослабевала. На каждом празднике, когда округа собиралась вместе, она ревниво следила за Эгилем, не понравилась ли ему какая-нибудь девушка. Ему и правда одно время нравилась Эйра, сестра Лейкнира, жившая далеко отсюда, в усадьбе Кремнистый Склон, но он быстро понял, что пылкую и мечтательную Эйру ему будет нечем пленить. Ингилетта считала свою судьбу настолько решенной, что, когда однажды (ей было уже шестнадцать лет) к ней посватался один гость с западного побережья, разразилась слезами из-за глупой забывчивости родителей, сообщивших ей эту новость. Какое там западное побережье, когда она выйдет за Эгиля! Случай этот навел ее на мысль, что время настало: она уже большая, раз к ней сватаются, так и нечего тянуть! Ингилетта так допекла отца, что Тьодольв сам послал свою сестру Вальтору к Вигмару сватать свою единственную законную дочь за одного из его многочисленных побочных сыновей.

Свадьбу справили на празднике Середины Зимы, и Ингилетта, добившись основной цели своей жизни, была совершенно счастлива. Вигмар и Тьодольв собирались летом построить для молодых усадьбу на пустующих землях к востоку от Золотого озера, а пока Эгиль и Ингилетта жили в Каменном Кабане. Правда, от Ингилетты было мало пользы по хозяйству, но зато она со всеми ладила, очень привязалась к Альдоне и в отсутствие мужа почти от нее не отходила.

Прочие сыновья, кому возраст уже позволял думать о браке, пока что этим позволением не пользовались. Красавец Хлодвиг в ответ на уговоры сестер и теток только смеялся, что, дескать, ему еще рано вешать на шею жернова. Девятнадцатилетний Эрнвиг во всем подражал Хлодвигу и отчаянно жалел, что его собственные волосы не вьются такой же мелкой золотистой волной, как у сыновей Рагны-Гейды. Нечего было и думать уговорить его жениться раньше Хлодвига. Так что число внуков Вигмара пока ограничивалось детьми Хроара: трехлетним Сигурдом и годовалой Сигне. Однако начало новому поколению было положено, и Вигмар надеялся увидеть со временем свой род разросшимся, как пышное дерево, со множеством ветвей, побегов и плодов. Он намеревался навек укоренить свой род на этой земле и решительно отстаивать будущее внуков от посягательств любого врага, кто бы тот ни был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.